

М. ГОРЬКИЙ

І. ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПЬЕСЫ «ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА»

Предисловие Б. А. Бялика

Статья и публикация В. С. Нечаевой

В драматическом наследии Горького пьеса «Фальшивая монета» занимает особое место. Обладая теми качествами, которые присущи горьковской драматургии в целом (пафосом страстной ненависти к мещанству, рядом превосходно вылепленных характеров, блестящим афористическим языком), она отличается от других произведений великого писателя «загадочностью» отдельных персонажей (Стогова и особенно Лузгина, несущих главную философскую нагрузку в пьесе) и финала, который до сих пор получает разные критические и сценические толкования и вызывает жаркие споры.

Худая слава предшествовала появлению этой пьесы, опубликованной в 1927 г. Ознакомившись с последней редакцией «Фальшивой монеты» в рукописи, столь авторитетный и обычно столь доброжелательный к Горькому критик, как Луначарский, выступил в печати с резко отрицательной оценкой пьесы. Он утверждал, что пьеса не характерна для Горького ни в художественном плане (поскольку написана в символической манере), ни в идейном (поскольку в ней нет отражения революции и противопоставления темным силам светлых)¹. Правда, Луначарский вскоре после этого печатно признал свою ошибку относительно времени создания пьесы (М. Ф. Андреева сообщила ему, что «Фальшивая монета» написана в 1913 г.) и в этой связи отказался от некоторых своих обвинений². Однако его отзыв оказал большое влияние на театры: даже те из них, которые начали репетировать «Фальшивую монету», прервали работу над ней, и пьеса, если не считать одного неудачного итальянского спектакля, так и не была поставлена при жизни автора.

Даже спустя много лет в одной из книг о драматургии Горького утверждалось, что Луначарский был прав в своем первоначальном отзыве о «Фальшивой монете» и что «пьеса эта совсем не нужна нашему театру»³.

Между тем, и советское литературоведение, и практика наших театров выдвигали все больше аргументов против такого приговора. После постановки «Фальшивой монеты» во Владивостокском драматическом театре, получившей одобрительные отзывы в печати (см. рецензию в газете «Правда» от 10 июля 1955 г.), и особенно после спектакля в Горьковском театре драмы, ставшего одним из самых ярких явлений на Всесоюзном театральном фестивале, проведенном в г. Горьком в 1958 г. в ознаменование 90-летия со дня рождения основоположника социалистического реализма, — вопрос о том, нужна или не нужна «Фальшивая монета» советскому театру, нашим зрителям и нашим читателям, уже снят самой жизнью. Но это не означает, что отпали все сомнения и недоумения, вызванные одним из самых сложных произведений Горького. В пьесе — и в содержании ее, и в ее форме — еще многое остается не разъясненным даже в исследовательских работах, не говоря о театральных спектаклях. Пьеса имеет еще немало противников даже среди тех, кто любит Горького как художника и высоко ценит его

драматургию. Достаточно сказать, что «Фальшивую монету» до сих пор не поставили ни один из наших ведущих театров.

Было бы неверно объяснять все это лишь живучестью того предубеждения, которое возникло в свое время против пьесы «Фальшивая монета». Объяснение надо искать и в самой пьесе Горького, в усложненности ее формы, затрудняющей понимание ее боевого, подлинно горьковского содержания — беспощадного разоблачения мещанских лицемерных «жрецов морали» и самой их морали, этой фальшивой монеты, за обманчивым блеском которой скрываются жадность, алчность, своекорыстие, скрывается «философия», которую один из персонажей поясняет такими словами: «...каждая икринка хочет быть рыбой... И даже не просто рыбой, а — щукой».

Автору этих строк уже приходилось указывать на то обстоятельство, что трудность формы, своеобразная «зашифрованность» отдельных мест «Фальшивой монеты» во многом связана с длительной и очень сложной творческой историей пьесы. С 1912—1913 гг., когда Горький начал ее писать, и до 1926—1927 гг., когда эта работа была доведена до конца, пьеса имела несколько редакций, отличающихся друг от друга и поворотом темы, и жанром, и стилем. Каждая из этих редакций отражала определенный этап драматургических и театральных исканий Горького. Пожалуй, ни одна его пьеса не дает так много для понимания этих исканий, для понимания его творческой лаборатории.

Первая редакция «Фальшивой монеты», публикуемая в настоящем томе, относится к тому периоду, когда Горький был увлечен идеей создания «мелодрамы нового типа», проникнутой бодрым романтическим настроением и направленной против уныния, разочарования, пассивности. Этой идеей Горький делился в беседах и в переписке с К. С. Станиславским, Л. А. Сулержицким и другими театральными деятелями, которые отнеслись к ней с большим интересом и сочувствием. Когда Горький вернулся из Италии в Россию, он заявил в 1914 г. представителям печати, что в основу репертуара нового театра «должна лечь мелодрама, но мелодрама художественная, в которой были бы заключены бодрые слова, призывающие к жизни, к активной деятельности», что «вообще драматическое произведение ближайшего будущего» рисуется ему «как мелодрама, проникнутая романтическим настроением»⁴. Когда Горький высказывал эти мысли, им уже была написана такая мелодрама — первая редакция «Фальшивой монеты».

Однако Горький не опубликовал первую редакцию «Фальшивой монеты» и не передал ее театрам. Тот факт, что он признал эту пьесу неудачей, сам по себе не так важен (неудавшимися ему представлялись и «На дне», и «Егор Булычов и другие»), как то, что он сразу же занялся ее переработкой. Направление этой переработки (наброски к ней В. С. Нечаева обозначает как вторую редакцию «Фальшивой монеты») помогает понять, что именно не удовлетворило автора в ранней редакции пьесы. Хотя созданная Горьким «мелодрама нового типа» была проникнута духом активности, вообще свойственным его творчеству, в нее проникли и элементы той мелодраматичности, которая Горькому свойственна не была, даже того «утешительства», которое обычно являлось мишенью его ударов: почти все персонажи оказывались способными духовно возродиться, «воскреснуть». Смысл переработки пьесы, начатой Горьким сразу же после окончания первой редакции, и заключался в том, что он стремился освободить ее от смягчения реальных жизненных трудностей и противоречий, показать судьбы своих героев, пришедших в столкновение с мещанством, во всей присущей им суровости и трагедийности.

Горький не завершил работы над второй редакцией «Фальшивой монеты» и надолго оставил этот замысел. Но было бы неверно совсем отрицать идейное и художественное значение ранних редакций «Фальшивой монеты». Во-первых, в них уже были нарисованы многие фигуры, сохранившиеся в окончательном тексте произведения, и намечены многие ситуации, развитые в этом тексте. А во-вторых, попытка Горького создать «мелодраму нового типа», его успехи и неудачи при этой попытке проливают свет на некоторые художественные особенности пьес, созданных им во второй период его драматургической деятельности, начиная с «Последних» и кончая «Стариком».

К «Фальшивой монете» Горький вернулся в 1924—1925 гг. 13 июля 1924 г. он сообщал в одном из писем: «Сочиняю пьесу, в которой главное действующее лицо —

А. М. ГОРЬКИЙ

Автолитография Н. А. Соколова, 1928 г.

Музей Горького, Москва

чёрт, он фабрикует фальшивую монету»⁵. К новой редакции пьесы, также оставшейся незавершенной, относятся отдельные варианты, в которых уже появился (но еще в качестве агента полиции) новый персонаж — Лузгин. Своеобразно обрамление пьесы, в котором был раскрыт другой — аллегорический — лик Лузгина-«чёрта»: пролог — «Любительский спектакль» и наброски сцен, которые, по-видимому, должны были разыгрываться между актами и в качестве эпилога. Форма третьей редакции «Фальшивой монеты» была также связана с театральной идеей Горького, волновавшей его еще дольше, чем попытка создания «мелодрамы нового типа»: с идеей возрождения на новой основе традиций театра импровизации, с той идеей, которая была сочувственно воспринята от него еще в предоктябрьские годы К. С. Станиславским, Л. А. Сулержицким, Е. Б. Вахтанговым и другими театральными деятелями и которая несомненно повлияла на их творческие искания⁶. Наложила свой отпечаток на третью редакцию «Фальшивой монеты» и полемика Горького с некоторыми явлениями западноевропейской драматургии 20-х годов, в частности с творчеством Л. Пираделло.

«Любительский спектакль» и связанные с ним импровизационные сцены, где Лузгин и другие персонажи вступают в спор с Автором и Режиссером, не могут не напомнить о пьесе Пираделло «Шесть персонажей в поисках автора». Горький знал и высоко ценил эту пьесу. Среди газетных вырезок, присланных им в начале 30-х годов в Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), была одна вырезка из итальянской газеты со статьей, где сообщалось, что Горький «прекрасно знает классическую итальянскую литературу и в курсе всего того, что пишут современные итальянские авторы. Особенное предпочтение он оказывает Пираделло, у которого с искренним энтузиазмом принимает и ставит выше всех его произведений пьесу „Шесть персонажей в поисках автора“...» Правда, замысел, сходный с «Любительским спектаклем», возник у Горького гораздо раньше, чем была написана эта пьеса Пираделло, еще в 1910 г., как об этом свидетельствует его письмо к Л. А. Сулержицкому, приводимое в статье В. С. Нецаевой (стр. 68). Можно сказать, что и Горький, и Пираделло имели перед глазами один и тот же образец: итальянскую *commedia dell'arte*, традиции которой продолжали жить в итальянском театральном искусстве (в частности, в неаполитанском театре Э. Скарпетто, о котором восторженно писал Горький в том же письме к Сулержицкому; этот же театр повлиял на драматургическое творчество Эдуардо де Филиппо).

Почему об всем этом важно знать, изучая окончательный текст «Фальшивой монеты», ее четвертую — печатную — редакцию? Потому что все предшествующие редакции оставили в этом тексте свои «отложения», создав его сложную многослойную структуру. От первой редакции, от «мелодрамы нового типа» в окончательном тексте осталось и таинственное преступление, и неожиданное наследство, и сцена выяснения родственных связей (Наташа, которую считали дочерью Яковлева, оказывается дочерью Кемского) и т. п. Однако все эти мотивы претерпевают удивительную метаморфозу, приобретают трагикомический характер и превращаются почти в пародию на мелодраму. Осталось в пьесе нечто и от промежуточной «импровизационной» редакции — от Лузгина-чёрта. Лузгин появляется в пьесе, когда Ефимов поминает чёрта; Ефимов позднее спрашивает: «Где этот чёрт — Лузгин?»; Глинкин обращается к Лузгину: «Слушайте, вы, чёрт...»; Яковлев, глядя на Лузгина спрашивает: «Кто здесь распоряжается? Чёрт распоряжается, а? Чёрт?» и т. п. Но такие штрихи почти утрачивают в окончательном тексте прежний аллегорический смысл, подчеркивая главным образом то, каким странным кажется Лузгин окружающим его людям. Почти утрачивают потому, что аллегорический элемент все же отчасти сохраняется в разговорах о «наследстве» и в том, что Лузгин напевает арии Демона и Мефистофеля.

В окончательном тексте уже трудно увидеть непосредственную полемику с Пираделло, но если вспомнить о целой линии западноевропейской и американской драматургии, связанной с именами Пираделло и воспринявших его влияние О'Нейла, Пристли и других, то идейная и художественная направленность «Фальшивой монеты» становится более понятной. Для Пираделло и его последователей противоречия между сущностью человека и его личинами, между внешним обликом «добродетелей» и тем, что за ними обычно скрывается, — это противоречия общечеловеческого смысла и

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА»

Владивосток. Краевой драматический театр им. Горького, 1955 г.

III действие: Наташа — Н. И. Шитова, Ефимов — А. А. Присяжнюк, Лузгин — Н. В. Моршаков,
Клавдия — Т. К. Виноградова

Фотография

Всероссийское театральное общество, Москва

значения. Для Горького — это противоречия, свойственные буржуазно-мещанскому обществу и его «добродетелям», чуждым подлинной общечеловеческой морали.

Разумеется, все эти проблемы, которые ставит перед нами пьеса Горького «Фальшивая монета», будут еще не раз обсуждаться и в исследовательской литературе, и в широких кругах читателей и зрителей. Но теперь эти обсуждения будут проходить на новом уровне. Публикуемые в этом томе «Литературного наследства» рукописные материалы освещают творческую историю пьесы, судьба которой (как вспоминают близкие) волновала писателя больше, чем судьба всех других его драматических произведений.

Б. Бялик

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. В. Луначарский. «Фальшивая монета». — «Красная газета» (веч. выпуск), 1926, № 273, 18 ноября.

² А. В. Луначарский. О пьесе «Фальшивая монета». — «Красная газета» (веч. выпуск), 1927, № 18, 20 января.

³ С. С. Данилов. М. Горький. М. — Л., «Искусство», 1950, стр. 133.

⁴ «Максим Горький о лозунге времени и театра». — «Новь», 1914, № 28, 15 февраля; «У Горького». — «Утро России», 1914, № 38, 15 февраля.

⁵ «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», вып. 3. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 379.

⁶ Автор этих строк подробнее писал об этом в статье: «Горький — Станиславский — Вахтангов» — см.: Б. Бялик. О Горьком. М., 1947, стр. 261—267, 275—300.

РАБОТА ГОРЬКОГО НАД ПЬЕСОЙ «ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА»

История создания пьесы Горького «Фальшивая монета» мало изучена. Богатейший архивный материал, связанный с работой автора над нею, до сих пор не публиковался.

Печатаемая наиболее значительная из архивных текстов, мы попытаемся здесь рассмотреть основные этапы работы автора, как они отразились в его рукописях. Изменение идейного замысла пьесы вызывало изменения в сюжете, в характерах действующих лиц. Все это запечатлелось или в густой правке, внесенной автором в рукопись, или в обширных вставках, предназначенных для вклеек на зачеркнутые места, или, наконец, в создании новых рукописей, текст которых далеко отходил от текста предшествующих.

Архивные материалы, относящиеся к «Фальшивой монете», состоят из 150 страниц большого формата и около 60 листов малого формата автографов Горького, 30 страниц машинописи с авторской правкой и множества небольших отрывков, вырезанных из машинописных страниц, также правленных рукой Горького.

Несомненно, что самой ранней из сохранившихся рукописей является автограф, содержащий законченный текст трех действий, из которых последнее имеет две картины. Но также несомненно, что эта рукопись является уже результатом большой предварительной работы. Поэтому лишь условно мы будем называть далее ее текст первой редакцией пьесы.

Сопоставим ее содержание с окончательной редакцией, известной по печатному тексту.

Все персонажи, кроме Лузгина, действующие в печатной редакции, находятся уже и в первой. Кроме них, имеется одно лицо, позднее изъятое Горьким. Это Кирик, подмастерье Яковлева, «юноша лет 23, с лицом скопца». Характеристика выродившегося дворянства в лице Кемского и наглого дурака Глинкина, алчности и фальши мещанства в лице Яковлева, Бобовой, Клавдии и Дуни была блестяще дана Горьким уже на начальном этапе работы над пьесой. Яковлев и Кемской, Глинкин и Иванов, Клавдия, Дуня и Бобова в первой редакции имеют тот же характер и выполняют те же функции в развитии действия пьесы, как и в ее окончательном тексте. Предметом усиленной работы автора на всех этапах создания пьесы были образы Стогова, Полины, Наташи и Ефимова.

Укажем на отличия во взаимоотношениях персонажей, данных уже в экспозиции пьесы. Стогов, или Сожителей, как он именовался вначале, был в первой редакции не агентом полиции, а фальшивомонетчиком. Он не был «первым горем» Полины. Незадолго до начала действия пьесы он увидел ее в церкви, стал преследовать ее в уверенности одержать легкую победу, для чего и поселился у Яковлевых. Наташа в первой редакции не невеста, а жена Глинкина. Клавдия — не племянница Яковлева, а «постоялка». Кирик — безнадежно влюблен в Дуню Першину (в печати Попову).

Первое действие в первой редакции по содержанию мало отличается от печатного текста. То же место и время действия, те же диалоги между Клавдией и Наташей, Бобовой, Глинкиным, Кемским и Ивановым. Но образ Сожителя уже в I действии был иным. Он говорил с Полиной грубо, оскорбительно, требовательно, хотя в прошлом их ничто не связывало. Первоначальный вариант, обнаружившийся под наклейкой, показывает, что сперва характер речи Сожителя был еще грубее (стр. 77). В действии первой редакции ничего не говорилось о прошлом Полины, кроме неясного упоминания, что у нее на душе какой-то грех, что она сидела в тюрьме. Так как в прошлом у нее не было никаких отношений с Сожителевым, то ее страх перед ним, ее подавленность его появлением не были так понятны, как в печатной редакции. Ее переживания могли быть только объяснены зарождавшимся ответным чувством, против которого она боролась, в котором не хотела сознаться себе самой. Очень интересен первоначальный (заклеенный) вариант разговора Полины с Клавдией в конце I действия первой редакции (стр. 83). Он свидетельствует, что на мгновение Полина представила

себя в будущем на положении Клавдии, обманывающей мужа с любовником. В окончательном тексте остался от этого замысла неожиданный ответ Полины Ефимову. Она спасает положение Клавдии своим сообщением, что последняя разговаривала через забор с Дуней, а не с Ивановым. Ответ был ложный, после чего Полина «вдруг тихонько засмеялась», но через секунду она уже отвечала Ефимову «почти со слезами, тоескливо», что она смеялась «над собой, право, над собой» — и это было верно. Конец I действия в первой редакции имел два варианта. В обоих все действующие лица объединились за обеденным столом, за которым Наташа провозглашала тост. Во втором, более развернутом варианте тоста был намек на раскрытие тайны рождения Наташи. Очевидно, то, что она дочь Кемского, а не Яковлева, в этой редакции не было известно никому.

Роль Ефимова в I действии первой редакции значительно меньше, чем в печатном тексте. Он появлялся лишь в конце действия перед уходом Иванова. Его две «*idées fixes*» — «безнадежность» фамилии «Ефимов» и ревность к Иванову уже проявлялись здесь в полной мере. Наклонность к философским обобщениям, ущемленное самолюбие и мнительность, которые характеризуют его в окончательном тексте, были в первой редакции присущи не ему, а подмастерью Кирику. Это Кирик говорил Наташе: «Для Натальи Ивановны стеснять людей — первое удовольствие», — и говорил после того, как Наташа посмеялась над его влюбленностью в Дуню. Кирика назвала Наташа философом-Агафьей, и Кирик отвечал ей, имея в виду Толстого: «У серьезного писателя и герои не говорят глупостей».

Кирик и далее резко выявлял свое оскорбленное самолюбие. Он несколько раз парировал барские выходы Глинкина, задевавшие его достоинство. Реплики Кирика обнаруживали его ненависть к Глинкину.

Слова Кирика, содержавшие намек на его будущее, находили дальнейшее развитие и подкрепление в следующих актах пьесы. Они были не комической репликой, а реальной угрозой. Например, в ответ на слова Наташи во II действии: «От вас ничего не дожدهмся», — Кирик отвечал: «Ну, это еще увидим». Эта и другие реплики Кирика подготавливали его самоубийство в финале пьесы.

В печатной редакции, где уже нет Кирика, его слова в сокращенном варианте говорит Ефимов. У него они приобретают комический оттенок и не имеют того характера социального протеста, который звучал в первой редакции в речах Кирика.

В I действии первой редакции не было никаких упоминаний о фальшивомонетчиках (в диалоге Клавдии и Наташи), не было рассуждений Ефимова и Глинкина о человеке и истории (перед приходом Лузгина), не было и темы наследства, которая вошла в I действие пьесы в связи с введением роли Лузгина.

II действие в первой редакции по месту и времени совпадает с печатной редакцией. Беседа Сожителяева с Яковлевым, которой открывается II действие в первой редакции, незначительно отличается от ее позднейшего варианта. Эта беседа длиннее и имеет один эпизод, который был позднее выброшен Горьким. Это, так сказать, «кошунственное» замечание Сожителяева, которым он соблазняет Яковлева решиться на грех ради добрых дел в будущем. «А может — созданный дальше создавшего в добре-то пошел?» Эти слова производят громадное впечатление на Яковлева: «Это, однако, с умом сказано! Ведь этим сколько же оправдать можно!.. Нет, это вы ловко, а?» — повторяет Яковлев.

Следующая сцена между Ефимовым, Глинкиным и Кириком хотя в общем и соответствовала сцене между Ефимовым, Глинкиным и Лузгиным в печатной редакции, но в деталях отличалась от нее. Ефимов рассуждал о вульгарности своей фамилии, о ненужности продолжения рода незначительных людей и отрицал не только существование человека («человек — вещь ненужная»), но и понятие «греха». Последнее отрицание Горьким было снято. Рассуждение Ефимова о том, что каждая икринка стремится стать рыбой, которое имеет большое значение в последней редакции, в первой редакции отсутствовало.

Роль Глинкина во всех вариантах этой сцены оставалась та же, но роль Кирика была совсем иная, чем роль Лузгина. Кирик и здесь выражал свою ненависть к барству

Глинкина и со всей серьезностью относился к рассуждениям Ефимова, видя в них какой-то отголосок социального протеста (стр. 87).

С приходом женщин из церкви в первой редакции разыгрывалась сцена объяснения в любви Кирика Дуне Першиной, рисовавшая скорее в трагическом, чем в комическом, свете облик подмастерья.

Дальнейшие диалоги Полины и Клавдия, Наташи и Кемского, Наташи и Полины — все несколько длиннее в первой редакции, чем в печатном тексте. Они содержали откровенные признания, впоследствии снятые автором. Так, Кемской вспоминал о своей любви и женитьбе, Клавдия говорила о своем флирте с Ивановым, Наташа выражала неудовлетворенность своим положением, упоминала о желании стать актрисой. В Сожителеве она, между прочим, отмечала «что-то эдакое, в хорошем роде, сильное», что вяжется с образом Сожителева в первой редакции и что было удалено автором при характеристике Стогова в печатной редакции.

Основное различие II действия первой редакции от печатной заключается, однако, не в отдельных вариациях сцен, а в двух главных сценах этого действия — объяснении Полины с Яковлевым и, особенно, объяснении Полины с Сожителевым, в конце действия. Речи Полины, обращенные к Яковлеву, — это речи любившей женщины, хотя и не сознавшей еще своей любви, боящейся силы нового чувства, ищущей защиты от него. Речи эти более длинные, страстные и поэтичны, чем краткие реплики Полины в печатном тексте. Они напоминают страстное обращение Катерины в «Грозе», когда она умоляет мужа не уезжать или взять с нее страшную клятву, чтобы этим спасти ее от неминуемого сближения с любимым человеком.

Положение Яковлева в первой редакции было значительно проще, определеннее, чем в печатной редакции, где он узнавал о том, что Стогов был «первым горем» Полины. Он считает, что Полина может использовать чувство к ней жильца в интересах мужа. Он учит ее, с одной стороны, «отстранять его тихонько, ласковым словом», а с другой, — «придерживать», так как он ему нужен. Объяснение Полины с Сожителевым, следующее за объяснением с Яковлевым, в первой редакции диаметрально противоположно по содержанию известному в печати тексту. Сожителев, поселившись у Яковлевых и наблюдая их жизнь, понял, что Полина не та женщина, за которую он ее принял и в победе над которой был уверен. Он увидел ее чистоту, муки, ею переживаемые, и начал испытывать к ней серьезное большое чувство, верить в то, что она может его спасти от гибели. Искренность и глубина его чувства поразили Полину. Она считает себя недостойной такой любви и спешит рассказать о своем первом грехе, об убийстве ребенка. Но чувство Сожителева, который знал историю Полины от Бобовой, не поколебалось от ее рассказа. II действие в первой редакции пьесы кончалось так: Полина изумленно смотрит перед собой, шепчет: «Господи... помоги поверить!»

Невольным свидетелем объяснения Сожителева и Полины явился Кирик, который из деликатности не решился обнаружить свое присутствие. Его слова, обращенные к Полине, раскрывали в мрачном Кирике глубоко человеческие чувства.

Отметим еще, что во II действии первой редакции имела место вся история с фальшивой монетой, найденной Глинкиным и проигранной им Кирику. Как увидим далее, этот эпизод оказался использованным для развития III действия первой редакции.

Последнее действие пьесы в печатной редакции происходит вечером того же дня, что и II действие, и в той же самой комнате. В первой редакции последнее действие переносилось в сад, приурочивалось к определенному дню — именинам Наташи (26 августа) и было разбито на две картины. Развивалось оно в направлении, прямо противоположном известному тексту: оно вело не к гибели Полины, а к ее спасению, счастью с любимым человеком. Душа Полины раскрылась, выпрямилась, она поверила любви Сожителева. Узнав о его преступной деятельности, она решила спасти его и для этого пойти за ним. Ее проникновенные слова о том хорошем, что есть в душе каждого человека, действуют даже на Бобову, даже на Яковлева. Последний, вначале хотевший передать Сожителева и Полину в руки полиции, решает не преследовать их, отпустить жену и самому уйти от прежней жизни.

Таков основной стержень действия в III акте первой редакции.

Сцена за именинным столом, когда Наташа предлагала всем высказать свое сокровенное желание, позволила персонажам пьесы проявить свои характерные черты. Поэтическая речь Полины обнаружила ее душевную чистоту и веру в человека, Гликин выявил примитивность и грубость своих мыслей, Кирик — свои «злые» мечты, Бобова — чувства любящей матери. Лишь небольшие сценки, короткие диалоги и даже отдельные реплики из первой редакции этого акта нашли потом место в окончательном тексте.

Именно III действие делает из первой редакции «Фальшивой монеты» совсем иное произведение, чем то, которое нам известно в печати, иное не только по содержанию, но и по идейному значению произведения.

Главное внимание автора было сосредоточено на Сожителеве и Полине, которые в сцене объяснения перед побегом Сожителева раскрывают себя в горячих признаниях. Но и остальные действующие лица получают дополнительные характеристики в этом действии. Иванов, выполняя функции уголовного сыщика, привлекает себе на помощь Ефимова и Дуню, платя одному деньгами, а другой — любовными ласками. Клавдия выступает в роли ревливой любовницы и разоблачает двойную игру Иванова, Дуни и мужа. Особенно много дополнительных характерных черт получил Яковлев, подслушавший признания Сожителева и Полины. Им овладевают сложные чувства по отношению к жене, сменяющие друг друга.

В рукописи второй картины последнего действия в первой редакции оказались вычеркнутыми полторы страницы (см. стр. 113—114, примечание 176*), на которых излагался вариант окончания пьесы, не законченный автором. Полиция, призванная Ивановым, должна была являться на сцену для обыска и ареста фальшивомонетчиков. Яковлев перед нею обличал жену и Наташу, а Кемской, желая оградить Наташу от обвинений, заявлял, что Наташа его дочь. Зачеркнув вариант с приходом полиции, Горький ограничился разоблачениями Яковлева перед Кемским, которого он вызывал этим на признание себя отцом Наташи. Признание это оказывалось неожиданным и для Наташи и для Яковлева. В печатной редакции о том, что Наташа — дочь Кемского, знала и она сама, и Яковлев, знал «весь город».

Большую роль в III действии первой редакции играл Кирик. Его сочувствие Полине и понимание ее переживаний, проявленное им уже во II действии, находило здесь дальнейшее развитие. Он обнаруживал ту душевную тонкость и человечность, которая роднила его с Полиной и Наташей, но вместе с тем и ту озлобленность на людей, которые заставляли его ежеминутно страдать от оскорбленного самолюбия. В его новом объяснении с Дуней впервые появилась тема выдуманного «наследства», которая в последней редакции играет такую значительную роль в речах и поведении Лузгина. Свою мечту о деньгах Кирик раскрывал перед всеми не как мечту об обеспеченной жизни, а как мечту о мести за ежедневное принижение, на которое обрекала его бедность.

«Злую» правду Кирик показывает Клавдии, открывая ей, против ее желания, глаза на отношения Иванова и Дуни. Он охлаждает порывы Полины, говоря что ее чувство «до людей не дойдет». Но он помогает ей, связывая Яковлева и мешая ему идти с доносом в полицию.

Отчужденность от людей, от мира Кирик считает благом, о котором говорит Наташе: «Это, Наталья Ивановна, очень хорошо, когда мне ничего не нужно и от меня ничего никому».

Намеки, рассыпанные в речах Кирика во всех действиях, ремарки автора в последней картине делают понятным готовящееся самоубийство и финальную ремарку о выстреле в саду.

Итак, уже в первой редакции пьесы Горький дал тонкий анализ насквозь проникнутого фальшью мещанства, нарисовал образы его представителей, изуродованных ложью и корыстью. Но закончил он пьесу перспективой счастливой любви Полины и Сожителева, выражением жалости к людям в словах Наташи, раскаянием Яковлева, слезами растроганной Бобихи и самоуничтожением отщепенца Кирика. Торжествовал «великий» закон жалости и любви, который, по словам Полины, должен был жить в людях и заставлять «все прощать».

Эта концовка пьесы не удовлетворила Горького и, вероятно, очень скоро вызвала потребность в переработке пьесы, в освобождении ее не только от неудачной развязки, но и от тех тенденций, которые приводили к этой развязке, делали ее неизбежной. Горький начал вновь работать над пьесой.

Писатель должен был прежде всего изменить в фабуле пьесы взаимоотношения Сожителя и Полины. Именно их счастливая любовь вела к финальной сцене, отыгывающейся мелодрамой.

На следующем этапе работы, который мы назовем созданием второй редакции пьесы, Горький поставил Сожителя и Полину в совершенно иные отношения друг к другу.

Мы не имеем полной рукописи второй редакции, да она, вероятно, и не существовала как рукопись всех трех действий. Автор ставил себе целью радикально изменить идейное звучание пьесы и перестроить для этого ее основной стержень. Но ее боковые линии он предполагал сохранить такими же, как они были. Поэтому ему не нужно было переписывать все действия и сцены заново, а достаточно было переработать лишь те куски текста, которые касались отношений Полины и Сожителя.

Оставив прежнюю завязку, Горький направил внимание Сожителя, живущего у Яковлевых, на Наташу. Полина при ближайшем знакомстве стала вызывать в нем лишь жалость, желание ей помочь, но не страсть, не любовь. Полная жизни, юмора и свежего молодого задора Наташа привлекает его, и он отказывается от своей мысли соблазнить Полину. Это основное изменение в сюжете пьесы и определило собою работу Горького над второй редакцией пьесы и должно было привести к иной ее развязке.

В соответствии с новым замыслом Горький изменил положение Наташи в семье. Она — не жена, а невеста Глинка.

I действие второй редакции не имело значительных расхождений с предшествующей. Но во II действие, особенно в его середину и конец, Горький внес много изменений. II действие в этой редакции должно было происходить через пять недель после появления Сожителя (в печатном тексте — через десять дней) в той же комнате и по той же приблизительно схеме, как и в первой редакции.

Во вновь написанном объяснении Сожителя к Полине со значительно большей ясностью, даже резкостью проводилась та мысль, которая в печатном тексте была изложена в более мягкой, прикрытой форме. Особенно грубо она выражалась в вычеркнутых автором первых вариантах признания Сожителя. Смысл объяснения заключался в том, что Сожитель понял свою ошибку: он не может любить Полину, она не нужна ему.

Сцена в первой редакции между Сожителевым, Полиной и Кириком, случайно слышавшим их объяснение, заменена во второй редакции сценой с Ефимовым, который подслушал разговор Сожителя с Полиной. Сцена с Ефимовым по содержанию противоположна сцене с Кириком: она выявляет подлость и глупость Ефимова и построена на его постоянных мотивах — ревности и рассуждениях о фамилиях.

После сцены с Ефимовым заново была написана сцена разговора Сожителя с Наташей. Она показывала их взаимное влечение друг к другу, задор и заинтересованность Наташи, оживление и некоторую рисовку перед ней Сожителя. Их тяготение друг к другу было настолько очевидно, что подглядывавший за ними Яковлев успокаивался по поводу отношений жильца к Полине и смеялся над ее страхом перед Сожителевым. Действие кончалось сценой, которая по форме как бы повторяла конец его в первой редакции, но по содержанию была противоположна ему.

Как должно было развернуться далее действие пьесы, каким должно было быть во второй редакции III действие? Некоторые материалы позволяют судить об этом. До нас дошел краткий набросок плана III действия и два варианта-отрывка, относящихся к первой его части. Один вариант написан на той стадии работы, когда Горький еще не думал расставаться с Кириком, и именно Кирику принадлежит в нем довольно значительное место. Во втором варианте Кирика нет. В наброске плана Кирик тоже не упоминается.

В тексте первой редакции ощущалась какая-то неясность: фальшивая монета, найденная Глинкиным и им проигранная Кирику, в III действии являлась как бы

А. М. ГОРЬКИЙ

Фотография 1906 г. (?) с дарственной надписью:
«Владимиру Мартыновичу Смирнову М. Горький»

Архив Горького, Москва

уликой против Кирика в том, что он делает фальшивые деньги. Дуня и Иванов говорят об этой монете и о том, нет ли у него еще таких же монет, хотя Дуне, игравшей в карты вместе с Глинкиным и Кириком, должно быть известно, что монета идет от Глинкина. Кроме того, в первой редакции в III действии обнаруживалось, что Глинкин потратил фальшивую монету, которая была приложена к судебному делу как вещественное доказательство, и все же не Глинкин, а Кирик вызывает подозрение Иванова и полиции в изготовлении фальшивых денег.

В плане III действия второй редакции подозрение переносилось на Глинкина: Клавдия вспоминает, что Глинкин проиграл в карты золотую монету. Иванов очень заинтересован рассказом. Однако, как должна была разрешиться эта ситуация, в плане ничего не говорится. Самыми существенными являются последние строки плана: об отношениях Полины и Наташи к Сожителю. Признание Полины, о котором

говорится в плане, вполне увязывается с концом II действия. Как будто пьеса не должна была закончиться разрывом с Сожителевым Наташи, возмущенной его поведением. Между ними должно было состояться еще какое-то заключительное объяснение.

Дошедшие варианты — отрывки III действия — несомненно относятся ко второй редакции, где главное место должно было принадлежать не Полине, а Наташе. Для окружающих стала ясна любовь Сожителя к Наташе, так же как и чувство Полины к Сожителю. Об этом говорит в первом варианте Кирик, во втором — Ефимов.

Действие происходило так же, как и в первой редакции, в саду, но не в праздник, не в день имени Наташи. В начало действия были введены новые сцены. Одна из них, связанная со сбором упавших яблок в саду, дает повод для столкновения между Кемским и Яковлевым и выявляет застарелую обиду и жадность Яковлева. Другая — разыгрывается вокруг миниатюры фривольного содержания, которую Бобова принесла для Кемского. Разговор о ней вносит характерные черточки в образы Полины, Наташи, Кемского и Бобовой. И та и другая сценки были в обоих вариантах.

В первом варианте большое место занимала сцена с Кириком. Он развивал ту же свою «злую мечту», которую он высказывал в первой редакции за столом на именинах Наташи. Но здесь он шел дальше. Он готов был для получения 100 000 рублей идти на преступление, не боясь тюрьмы и каторги. Его мрачная решительность, кажется, даже произвела впечатление на Сожителя. Но наряду с готовностью идти на преступление и с презрением к миру, мы опять видим в нем какие-то душевные движения, которые противоречат его отщепенству, обособленности от людей.

Второй вариант обрывается на разговоре Сожителя с Яковлевым, в котором первый сообщает, хотя и в шуточной форме, о своем желании посвататься к Наташе. Сожитель выступает опять как искуситель, соблазнитель Яковлева, разжигающий в нем самые отвратительные стремления. Он рисует перед ним возможность получить наследство Кемского, которое тот завещает Наташе, а Наташа как жена фальшивомонетчика будет лишена прав состояния, и дом попадет в руки Яковлева. Он дразнит Яковлева, упоминая, что Наташа не его дочь, а Кемского. Если в первой редакции перед Яковлевым стояла проблема выбора — жена или деньги, то теперь встает вопрос о судьбе его дочери. Если в первой редакции Кемской неожиданно для всех объявляет, что Наташа его дочь, то во второй редакции об этом знает Ефимов, знает и сам Яковлев.

Как план, так и оба варианта III действия не дают ответа на многие вопросы, которые возникают при мысли о разрыве второй редакции. Но основное изменение, внесенное Горьким в нее и отличающее ее от первой редакции, совершенно ясно и заключается в том, что Горький отказался от мелодраматической концовки — побега влюбленного фальшивомонетчика и изображения счастливой Полины, воскресшей к новой жизни. Отказался и от идеи, заключавшейся в словах Полины о «всеобщей жалости», о добре, которое живет в каждом человеке и способно переродить не только Сожителя, но и скрягу-ханжу Яковлева и прожженную пройдоху Бобову.

Покончив с той линией, по которой развивалось действие в первой редакции, Горький изъясил из пьесы Кирика, передав ряд реплик и сцен, с ним связанных, Ефимову, у которого те же реплики и сцены получили совершенно иную окраску. В Ефимове то же болезненное сознание своего ничтожества, та же мания величия, то же ущемленное самолюбие и мнительность, как у Кирика, выросшие на той же почве, но не имеющие никакого оттенка трагического, вызывающего сочувствие к нему. Он показан именно в том «серьезно-комическом» плане (Горький давал позднее указания, что роль Ефимова — роль для серьезного комика), который заставляет зрителей задуматься над причиной появления таких черт личности. Вместе с тем комическое изображение вызывает их отрицание, смех над ними. В таком направлении и шла дальнейшая работа над образом Ефимова в последней редакции пьесы.

Эта редакция не сразу сложилась такою, как мы ее знаем в печати. Две относящиеся к ней рукописи свидетельствуют о сложной работе автора над ее созданием.

Фамилия Сожителей здесь заменена фамилией Стогов, Бобиха — Бобовой.

Характерное отличие окончательной редакции от двух предшествующих заключалось уже в следующих двух предпосылках, которые должны были вызвать другое развитие действия. Это, во-первых, другой образ Сожителя-Стогова, который здесь не фальшивомонетчик, а агент полиции, ловящий фальшивомонетчиков. Он лишен тех черт грубости, силы, откровенности, которые проявлял ранее в выражении своих чувств. В нем больше ощущаются раздвоенность натуры, страдание от отсутствия цельности и ясности, внутренний надлом и скепсис. Поэтому при ближайшем знакомстве с Полиной он разочаровывается в ней. Его притягивают молодость, цельность и юмор Наташи. Во-вторых, в последней редакции Стогов оказывается «первым горем» Полины. Эти прежние связи между ними, приведшие Полину к первой катастрофе, не могли не влиять на характер их новых отношений. Они оправдывают возрождение чувства Полины к Стогову и объясняют новую катастрофу при вторичной потере его. Прежние связи делают сложнее и отношение Стогова к Полине и чувство Наташи к Стогову, узнавшей, что он — тот «первый» Полины, который был причиной ее горя. Наконец, и положение Яковлева делается еще более запутанным в его колебаниях между жадностью к деньгам и ревностью к жене.

Изъятие Кирика, уже намеченное во второй редакции, вызвало, как было указано выше, расширение роли Ефимова. Но часть реплик Кирика в третьей редакции была передана новому лицу, Лузгину, функция которого в пьесе стала, однако, совсем иной, чем Кирика. В сохранившемся перечне действующих лиц Лузгин назван был «агентом полиции», но затем это было вычеркнуто Горьким. Позднее он пояснил, что Лузгин сумасшедший. Таким Лузгин и является в рукописях окончательной редакции пьесы.

Среди изменений, которые Горький внес в текст I действия, надо отметить разговор о фальшивомонетчиках между Клавдией и Наташей. Его подслушивает Стогов, этим разговором завязывается тема, которая должна была развиваться в следующих действиях. Ефимов появлялся на сцене значительно раньше, и Горький передал ему разговор Кирика с Наташей об Агафье и Толстом, чем закрепил за ним положение своеобразного горе-философа пьесы. Речь Глинкина о браке Горький также расширил, еще ярче оттенив его барское презрение к «хамам».

Самым серьезным изменениям в I действии подверглось объяснение Полины и Стогова. Были переработаны рассуждения Ефимова о фамилиях и великих людях, о своем ничтожестве и вранье Глинкина об иностранном происхождении его фамилии. Конец действия был Горьким решительно изменен и написан заново. Он отбросил бывшее в первой редакции объединение всех действующих лиц сначала в магазине, потом за обеденным столом. Главную роль здесь играл Ефимов, к которому потом присоединялся впервые появившийся Лузгин.

С приходом и первым же разговором Лузгина в пьесу вводилась тема о наследстве и наследниках, а также тема двойничества как мания Лузгина. Обе эти темы давали новое освещение прежней теме о фальшивой монете и фальши всех тех человеческих отношений, которая уже была раскрыта в пьесе в ее первых редакциях.

В рукописи последней редакции II действия имеются некоторые разночтения с печатным текстом. Так, в беседе Стогова с Яковлевым еще сохранились рассуждения первого о том, что «созданный дальше создателя в добре пошел», рассуждения, так поразившие Яковлева.

Горький несколько раз варьировал сцену перед приходом Клавдии и Дуни; в окончательную редакцию был введен Лузгин, и эта сцена была выбрана для развития и переплетения темы Лузгина о наследстве с мыслями Ефимова о ненужности людей. Здесь же развивалась и другая тема Лузгина — тема двойника (отражение в зеркале).

Сцена между Полиной и Наташей осталась во многом близкой к первой ее редакции. Со второй редакцией ее связывает более определенно выраженный интерес Наташи к постояльцу. В соответствии с изменением отношений Стогова и Полины сцена объяснения Полины и Яковлева стала более драматичной, положение Яковлева усложнилось, переживания Полины стали глубже, трагичнее.

Объяснение Полины со Стоговым во II действии последней редакции все было написано заново, и это понятно. Тон их разговора здесь — тон людей, давно знающих друг друга. Смысл объяснения — отказ Стогова от Полины — тот же, что и во второй редакции, но выражен он иначе, с большей мягкостью по отношению к Полине, с желанием ей помочь и с более резким самоосуждением Стогова. Это объяснение в черновой рукописи еще не совсем совпадает с печатным текстом. Оно было доработано при переписке текста набело.

Весь конец II действия — сцена с Ефимовым и важнейшая для осмысления пьесы сцена с Наташей — был написан Горьким заново. Беседа Наташи и Стогова не имеет ничего общего с беседой Сожителя с Наташей, которой заканчивалось II действие второй редакции. Там смысл беседы был в выражении зарождавшейся взаимной любви Наташи и Сожителя. Здесь эта тема отходит на задний план. Смысл беседы — в переключении темы фальшивых денег на тему фальши в человеческом поведении и человеческих отношениях.

III действие последней редакции радикальным образом отличается от предшествующих ему редакций как по идейному смыслу, так и по месту и времени действия. Несмотря на это, Горький все же и здесь во многом использовал первоначальный текст.

Предшествующая развязке пьесы сцена Глинкина и Клавдии вся была написана заново, так же как и весь конец с появлением Лузгина и далее Стогова.

Особенно долго и тщательно Горький работал над самой последней сценой, после сообщения Иванова о смерти Полины. Эта сцена постепенно удлинялась все новыми вставками и дополнениями. Первоначально в черновой рукописи после сообщения Иванова было:

(Наташа бросилась к Стогову, встала рядом с ним...)

Яковлев *(подходит к Лузгину)*. Ага, попался?

Наташа *(глухо)*. Господи... что же это? За что?

Яковлев. Попаля, чёрт!..

(Лузгин визгливо смеется, забился в руках держащих его... Стогов идет прочь к двери.)

Наташа. Куда вы? Стойте! Куда... *(Стогов остановился, развел руками.)*

В белой рукописи конец сцены также не совпадал с печатным текстом, заканчиваясь словами Лузгина: «А того, мерзавца, поймали? Врага моего — поймали?». На отдельном листе Горький написал продолжение слов Лузгина, дальнейшие реплики Иванова, Наташи, Глинкина и Стогова так, как они вошли в печатный текст. Но последний монолог Лузгина в этой записи был длиннее, чем в печати. Лузгин вспоминал о словах Ефимова, сказанных им во II действии: «...Я — не Лермонтов, не Демон, не пучу, нет! Я — знаю! Ефимов... каждая икринка хочет быть рыбой... Не просто рыбой, а щукой, — так? *(Хочет [броситься на] ударить Наташу [визжит]. Стогов схватил его [прзб]). Лузгин сразу успокоился, смеется тихонько. Все молчат, и в тишине почти с гордостью, внятно говорит)*:

Ефимов. А ведь, пожалуй, это я его свел с ума!»

В печатном тексте эта реплика Ефимова без предшествующих слов Лузгина мало понятна.

Последний абзац печатного текста (слова Лузгина) появился уже некоторое время спустя после окончания работы Горького над пьесой как ответ на запрос режиссера, желавшего поставить пьесу.

Осенью 1926 г. Горький послал новый текст «Фальшивой монеты» для издания в Берлин И. П. Ладыжникову. Один экземпляр пьесы был передан представителю театральных предприятий в Берлине Э. Беме. Беме считал, что ряд мест в тексте требует пояснения, чтобы пьеса могла быть понятной немецкой публике. 14 октября он обратился с письмом к Б. Рубинштейну, который связывал его с издательством Ладыжникова и автором пьесы. В этом письме Беме задал Горькому десять вопросов и просил его, если возможно, написать краткие пояснения к идее и образам пьесы. Большая часть ответа Горького с объяснениями относительно действующих лиц пьесы

напечатана в Собрании сочинений (т. 12, стр. 460—461). Но там не был помещен конец ответа Горького, где речь идет о смысле пьесы в целом:

«Я не могу написать „пролог, который ввел бы зрителя в символическое значение пьесы“, мне она кажется достаточно ясной и уже не очень символической. Но, может быть, пьеса будет понятнее, если в конце 3-го акта после гордых слов Ефимова:

„А ведь, пожалуй, это я его свел с ума!“

Лузгин скажет так:

Лу з г и н, *указывая на зеркало.*

— Тут был человек... он давно ходит за мной, он изуродовал всю мою жизнь. (*Повышая голос.*) Сына оторвал от меня... Женщину. Был фальшив, как бес. Притворялся, что знает несокрушимые законы. Он — правду оболгал... он оболгал всю правду.

Занавес.

Весь этот текст в рукописи пьесы находится на наклейке. Под наклейкой — текст короче:

«Лу з г и н, *указывая на зеркало:* Тут был человек, который [расто] изуродовал всю мою жизнь. Сына оторвал от меня. Притворялся, что [верует] знает настоящие несокрушимые законы. [Оболгал] Он был фальшив, как бес. Кричит:

[Он] Он правду оболгал... он оболгал всю правду».

Итак, имеется четыре финала, созданные на последнем этапе работы над пьесой: один в черновой рукописи, два — в белой и последний — с двумя вариантами в объяснении для постановки пьесы. Ясно, что Горький придавал большое значение этим завершающим пьесу строкам, в которых надо было найти ключ к пониманию всего произведения.

В окончательной редакции пьесы не осталось и следа старой мелодраматической развязки. Уже в первой редакции во всей пьесе ясно звучала суровая критика общества, в котором человеческие отношения строились на лжи, насилии и угнетении. В окончательном тексте критика еще более заострена и показывает неизбежность гибели в этом обществе людей, которые не могут приспособиться ко лжи и не знают путей для борьбы с нею. Люди, которые не могут или не стремятся стать «щуками», сами делаются жертвами хищников. Вместе с тем Горький показал, что страстная жажда «правды», «совести» продолжала жить в человеке, изуродованном буржуазным обществом, и вывел целую галерею таких персонажей: тоскующая по иной, лучшей жизни, молодая, еще не тронутая ложью Наташа; неспособная ко лжи и потому гибнущая Полина; разведенный скепсисом, не принимающий мира лжи, но и не знающий выхода из него Стогов; наконец, Лузгин, помешавшийся на мысли о пропавшей совести, о правде, которую оболгали, — все они жертвы разлагающегося, гибнущего мира.

Нам остается еще сказать о рукописи Горького, носящей название «Любительский спектакль», в тексте которой действующими лицами являются Лузгин и Наташа. Кроме того, имеются тесно связанные с «Любительским спектаклем» наброски диалога Лузгина и Наташи, написанные на обороте листа со сценами из первой главы «Дела Артамоновых». От описанных нами выше и публикуемых рукописей «Фальшивой монеты» эти рукописи отличает, во-первых, иной образ Лузгина, во-вторых, попытка создать иную театральную форму.

Лузгин появлялся в последней редакции пьесы как сумасшедший, разыскивающий наследников выморочного имущества. В «Любительском спектакле» и набросках его приход имел иное объяснение. Для публики, по афише, он был уголовным сыщиком, для персонажей пьесы — частным поверенным, который ищет несуществующего наследника, а сам ощущал себя «философствующим чёртом», прожившим многовековую жизнь. Как мы уже отмечали, в черновом автографе последней редакции пьесы в перечне действующих лиц Лузгин также был назван «агентом полиции»... В том же автографе в последней сцене Яковлев называл Лузгина «чёртом»: «Попался, чёрт!..» В рукописи «Любительского спектакля» была и еще одна житейски-бытовая характеристика

Лузгина, которую Горький вычеркнул из роли режиссера: «Он был репетитором в доме автора, и последний, очевидно, чтобы избавиться от него...» (текст оборван).

Вторым отличием «Любительского спектакля» и набросков является свойственная им особая театральная форма. Это — пролог пьесы и отрывки диалога пьесы-импровизации, в которой текст, написанный автором и поставленный режиссером, должен был разрушаться вышедшими из подчинения автору и режиссеру актерами.

В «Любительском спектакле» Лузгин вступал в пререкания с режиссером, критиковал автора и его пьесу и обращался к публике, не подчиняясь их воле. В набросках актеры должны были «заигрывать» так, что забывали роль и восклицали: «Кто я? Кто?», — а обиженный и взволнованный автор обращался к ним со словами: «Господа, господа! Как вы играете, что вы играете!»

Рукопись «Любительского спектакля» относится, по-видимому, к 1924—1925 гг., но этот сценический замысел возник, вероятно, значительно раньше. Он связан с идеями Горького, занимавшими его в 1910—1912 гг. и сблизившими его с поисками Станиславского и Сулержицкого в Художественном театре.

В письме к Сулержицкому в конце мая 1910 г. Горький сообщал: «А я — пишу фарсы. Написал один в четырех актах, а другой — кончаю — в двух будет... А третий в одном акте: некто написал пьесу, она поставлена, ее играют — и вдруг актеры на сцене начинают говорить — представь себе ужас автора и гнев его! — они говорят простым человеческим языком! Автор бросается на сцену, грозит актерам мировым судьей, обращается к публике с жалобами, но — актеры, наконец, тоже вышли из терпения и — выпшвырнули автора со сцены.

Как видишь, это уж трагический фарс».

Сулержицкий в ответном письме выразил большой интерес к замыслу Горького:

«Пришли же, пришли сюда пьесы. Меня очень занимает актер, заговоривший человеческим языком» (16 июня 1910 г. Ессентуки)¹.

Мысли Горького о создании театра импровизации, о коллективном создании пьесы были подхвачены Станиславским и Сулержицким. В самом начале 1911 г. Станиславский побывал у Горького на Капри. Горький, приглашая его, очень хотел поделиться с ним своими театральными замыслами: «Хочется передать Вам кое-какие мысли, — писал он, — положить горячего материала в пылающее ваше сердце!»

Как результат бесед, которые вели на Капри Горький и Станиславский, Горький послал в Москву в марте 1911 г. «сцену пьяного» и другие рукописи для использования в театральной работе Станиславского.

Пребывание на Капри в 1911 г. Н. А. Румянцев² и Сулержицкого и приезд зимой 1911/1912 г. Ал. Стаховича³ способствовали развитию идей Горького о создании пьесы автором совместно с актерами.

22 января 1911 г. Горьким, Стаховичем и М. Ф. Андреевой была отправлена с Капри открытка Станиславскому, в которой говорилось: «Приезжайте, будем писать комедию коллективно». В переписке Горького с актерами Художественного театра в течение 1912—1913 гг. развивалась идея создания пьесы на основе свободной актерской импровизации: Разные темы, образы, наброски сюжетов сообщали друг другу авторы писем (см. письмо Горького Станиславскому от 12 октября 1912 г. и письмо Сулержицкого Горькому от 9 марта 1913 г.). Эти поиски Горького и его друзей совпали с его работой над замыслом «Фальшивой монеты». Горький неоднократно указывал на 1913 год как год создания пьесы. В письме к В. М. Ходасевич от 28 ноября 1926 г. Горький сообщал о «Фальшивой монете»: «Пьеса была написана мною в 1913 г.» Ту же дату поставил Горький на титульном листе первого издания пьесы: «Написана в 1913 г.».

В хранящемся в АГ ответе Горького на анкету (вероятно, 1927 г.) опять находим указания на ту же дату. В этом ответе интересен рассказ Горького о возникновении замысла «Фальшивой монеты»:

«Я начинаю пьесу от человека, а человек начинается для меня с его мысли [с речи], т. е. с наиболее таинственного в нем.

[Обычно происходит так: случайно] Лет [тридцать] двадцать пять тому назад старик, часовых дел мастер в Крыму, в Ялте, сказал при мне моему другу, доктору:

— Ваш золотой — фальшивый.

Он сказал это с радостью, в которой чувствовалось озлобление.

[Спустя] Я почему-то вспомнил эт[у]и [фра] слова в 913 году и задумался: почему старик был обрадован, найдя монету фальшивой?

Затем я стал писать пьесу на эту тему.

А пьеса «Дети солнца» была вызвана словами известного русского ученого, химика Петра Лебедева: «Ключ к тайнам [приро] жизни — химия».

Обращение к переписке Горького позволяет уточнить время его работы над первой редакцией пьесы. В письме Горького к Н. А. Румянцеву и Т. В. Красковской⁴, которое может быть датировано началом 1912 г., читаем:

«Был здесь Стахович Алексей ... Собираюсь писать для вас, по его наказу, пьесу: в ней будет часовых дел мастер, фальшивомонетчики, настоящий князь, поэт и — боров! Огромный, девять пудов весу, тоже аристократ, иоркширский! Часы будут, мыши, тараканы, курицы — очень весело! Вообще — постараюсь!

От вас, из России, веет такой тяжелой грустью, таким мраком и общей растерянностью, что поставил я себе целью — да будет вам от меня весело!»

Это письмо свидетельствует о том, что «Фальшивая монета» была задумана как веселая комедия и предназначалась для Художественного театра⁵. Конец работы над первой редакцией пьесы также нашел отражение в письме Горького к Н. А. Румянцеву. 16 июня 1913 г. Горький сообщал ему о своем огорчении по поводу разных фактов. в том числе и по поводу неудавшейся пьесы:

«А тут еще разные „добавочные обстоятельства“ — плохо чувствует себя Короленко, разыгрались широкие русские натуры и украшают землю скандалами, одолело меня нездоровье и не удалась мне еще одна пьеса. Еще одна! Так что я настроен весьма минорно и элегически».

В письмах к Румянцеву 1912—1913 гг. можно подметить некоторые детали, которые напоминают о том, что в это время шла работа Горького над «Фальшивой монетой». Так, например, в двух письмах Горький шутит по поводу того, что Т. В. Красковская переменила отчество — была Александровна, а стала Васильевной (ср. слова Наташи: «Ну, я не Ивановна, а Васильевна»). Пародируя Наташу, Горький в одном письме, подобно ей, шутливо цитирует фразу из романа с маркизами и виконтами: «Фи, сказал маркиз, поддергивая брюки...».

Одновременность работы Горького над «Фальшивой монетой» с его поисками в области жанра пьесы-импровизации, очевидно, и породила замысел «Любительского спектакля» и связанных с ним набросков. Используя сюжет и персонажей своей пьесы, Горький попробовал воплотить мысль о восстании актеров против деспотизма автора и режиссера и об участии актеров в создании пьесы. Рукопись «Любительского спектакля» является как бы прологом к «Фальшивой монете», наброски же свидетельствуют, что и самую пьесу актеры должны были импровизировать на сцене.

Замысел Горького остался незавершенным.

Ниже публикуются полный текст первой редакции пьесы и связанные с нею наброски к «Любительскому спектаклю» по автографам, хранящимся в Архиве А. М. Горького (ХПГ-47, 6-1; ХПГ-47, 6-7; ХПГ-49, 14-1).

В. Нечаева

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. публикацию писем Горького и Сулержицкого — «Новый мир», 1961, № 6, стр. 183—184, 187, 190—194.

² Николай Александрович Румянцев — заведующий хозяйственной и финансовой частью Художественного театра в 1902—1925 гг.

³ Алексей Александрович Стахович — актер Художественного театра в 1907—1919 гг.

⁴ Татьяна Васильевна Красковская — актриса Художественного театра в 1911—1943 гг.

⁵ Интересно отметить в связи с мелодраматической концовкой первой редакции пьесы утверждение Горького в письме к Сулержицкому от 29 августа 1910 г.: «Думаю о мелодраме, но — особенного типа. Считаю мелодраму — настоятельнейшей „потребностью времени и необходимостью для России“» («Новый мир», 1961, № 6, стр. 187).

ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА

〈ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ〉

I

Ночью в городе был большой пожар; у Яковлевых беспорядок, вся мебель сдвинута с мест, всюду узлы с платьем и бельем, в окне на улицу сломана рама, стекла выбиты, заставлены подносом, его прижимает горшок с цветком. Утро, только что кончили пить чай; среди комнаты, на большом овальном столе погасший самовар, неубранная посуда. Дверь из комнаты в часовой магазин открыта, там возятся, прибирая товар, Яковлев, человек лет 50-и, кривой, но благообразный, в жилете, в туфлях; Кирик, юноша лет 23, с лицом скопца. В комнате: Палагея, разбирает белье и платье; ей — лет под 30, одета в темное, старухой; красива, двигается ловко и бесшумно, кажется — строгой, даже суровой ^{1*}, смотрит исподлобья, но когда откроет глаза — видно, что она испугана, подавлена чем-то. Наташа, сидя у стола, читает газету и грызет сушки. По лестнице с антресолей сходит постоялка, Клавдия.

К л а в д и я. Наташа, да ты бы помогла нам!

Н а т а ш а. Подожди, сейчас! И когда они успели написать столько!

К л а в д и я. О пожаре?

Н а т а ш а. Да. Удивляюсь!

К л а в д и я. После удивисься! Лучше помоги-ка! (*Палагее*). Это — куда?

П а л а г е я. Это — к Наташе, пожалуйста...

Н а т а ш а (*через газету*). Ну, чего вы торопитесь и куда? Всю ночь не спали, устали...

К л а в д и я (*уходя*). Ты что же, — за всех собралась отдохнуть?

Я к о в л е в (*из двери магазина*). Полина, ты не видала, где часы с выставки, мраморные.

П о л и н а. У вас в руках видала...

Н а т а ш а (*читает*). «Все яростнее разливалась огненная река, превращая труды рук людских в пепел и прах». Люблю, когда еров много!

Я к о в л е в (*входя*). Красноречие несчастию не подобает, тут нужно бы рыдая говорить, а они — пустобрехи. Полина, а где ящик с гвоздями?

П о л и н а. Не знаю.

Я к о в л е в. Удивительно, до чего мало ты знаешь!

Н а т а ш а. Ну, где теперь найти этот ящик?^{2*}

Я к о в л е в (*вынул часы, смотрит*). Тут, сейчас должен прийти... (*Замаялся, вспомнив что-то, сморщил лицо.*)

Н а т а ш а. Кто должен прийти?

Я к о в л е в. А ты — сиди и читай! Помогла бы мачехе-то!

Н а т а ш а. Читать или помогать?

Я к о в л е в. А, ну тебя! (*Идет в магазин.*)

Н а т а ш а. Аббат исчез, оставив Жюстину в недоумении. (*Взяв кусок хлеба, блюда и ложку, развязывает банку с вареньем, ест. Полина, стоя на коленях, смотрит перед собою, шевеля губами.*)

К л а в д и я (*выходя*). Наташа, ты опять насыплешь крошек в банку, а отец...

Н а т а ш а. А он проберет мачеху-у-у!

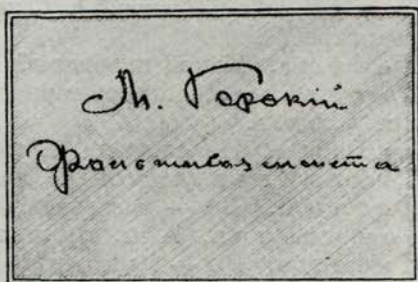
К л а в д и я. Эх, ты, замужняя женщина...

П о л и н а (*очнувшись*). Мне давно пора обед готовить...

Н а т а ш а. Обед — не будет, а будет чай с разными вкусными добавлениями, об этом позабочусь я...

^{1*} голова опущена (здесь и далее в сносках печатается текст, зачеркнутый Горьким). ^{2*} Полина. Я сейчас поищу... Яковлев. Не надо. (*Наташе*).

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕСЫ
ГОРЬКОГО «ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА»
(Берлин, 1927.) Обложка

СЦЕНЫ

1927

Полина. А если отец...

Наташа. Здесь приказываю только я — величественно произнесла маркиза.

Полина (*уходя* ^{3*} *с охапкой одежды*). Ну, как хочешь...

Клавдия. Она как будто все больше дичает, а ты с ней...

Наташа. Ах, оставь! Еще и ты будешь меня моралью набивать!

Клавдия. Чего ты взвилась?

Наташа. Надоело! Ходит какая-то бутылка постного масла! От нее — тоска. Чертей не удивить кротостью. Молодая женщина, недурна, а не умеет себя поставить...

Клавдия. Как это — поставить?

Наташа. Так. Тоже и ты, труженица, вышла замуж за привидение какое-то...

Клавдия (*усмехаясь*). Если мне нравится?

Наташа. Ну, миленькая, вижу я, кто тебе нравится!

Полина входит торопливо, потерявшаяся, широко раскрыв глаза, за нею, в дверях Сожителей, мужчина лет за 40, острижен ежиком, виски — седые, бритый, без усов, одет солидно; ^{4*} говорит, держится спокойно, уверенно, с оттенком пренебрежения.

Клавдия. Что вы, Поля? ^{5*}

Полина (*бормочет*). Вот — человек... Я не знаю...

Сожителей. Как же это, — хозяйка, а не знаете?

Наташа (*прищурясь*). Что такое?

^{3*} в дверь

^{4*} голос, движения

^{5*} Что такое?

Полина. Вот этот господин, — я сейчас спрошу. (*Идет в магазин, спотыкаясь, как слепая.*)

Сожителей (*вежливо*). С кем я могу говорить относительно найма квартиры?

Наташа. Какой квартиры? Мы — не сдаем!

Сожителей. Мне за верное сказали, что у часовщика Яковлева сдается флигель.

Наташа. Не слыхала, хотя прихожусь часовщику дочерью...

Сожителей (*кланяясь*). Очень приятно узнать. Однако...

Наташа. Вы — погорелец?

Сожителей. А нельзя ли видеть самого г. Яковлева?

Наташа. Вы — приезжий?

Полина стоит у двери в магазин, наклоня голову, точно не смея войти туда.

Клавдия. Пройдите в магазин, он там...

Сожителей (*поклонясь*). Благодарю вас.

Полина (*уступая ему дорогу, зовет негромко*). Иван Иванович...

Наташа. Невежлив. Настойчив. Похож на повара.

Клавдия. Как ты можешь так говорить с незнакомым?

Наташа. Ты, мачеха, чего испугалась, а?

Полина (*согнувшись над узлом*). Я? Господи... что мне? Я — ничего...

Наташа. Нет, все-таки?

Полина (*словно припоминая*). Я развешиваю на дворе шубы, вдруг — она идет... Я не испугалась.. ты сама же говоришь...

Наташа. Что я говорю?

Полина. Настойчив.

Наташа. Ох, Поля, ты скоро сама себя бояться станешь!.. Ну, ладно: оставим это для потомства, сказала графиня, выбросив за окно оглоданную кость. Впрочем, такой графини не было. Клавдия, иди, ставь самовар!

Клавдия (*задумчиво глядя на Полину*). Не рано ли?

Наташа. Не смущай меня возражениями! Я буду мыть посуду и вообще трудиться! Вот — бежит Евдокия Першина. Кирик Федорович!

Кирик (*из магазина*). Что угодно?

Наташа (*тожно вздыхая*). Ах, она идет!

Кирик. Кто это?

Наташа. Ах, Дуня!

Кирик. Вы думаете — это похоже на меня?

Наташа. Нет, на нее.

Кирик. И на нее не похоже. Ну-с?

Наташа. Ой, не пугайте меня!

Отстранив Кирика, из магазина выходит Яковлев ^{6*} и Сожителей.

Яковлев. Полина, — ключ от флигеля!

^{7*} (Она быстро бежит по лестнице в антресоли. Наташа ^{8*} бесперемонно разглядывает Сожителя. Он тоже спокойно разглядывает всех. Клавдия все время входит и уходит, унося вещи).

Очень интересно объяснили вы намерения ваши! И верное, должно быть, дело — теперь многие изобретают...

Сожителей. Мы весьма отстали в технике ^{9*} против иностранцев.

Яковлев. Зато — в доброте души — мы впереди всех народов!

^{6*} и Сожителей, часовщик смотрит с улыбкой, заглядывая в лицо Сожителя

^{7*} Палагея ^{8*} Клавдия ^{9*} от

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО
Е. П. ПЕШКОВОЙ НА ФОРЗАЦЕ
ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ ПЬЕСЫ
«ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА»
(БЕРЛИН, 1927):

«Екатерине Первой Алексей.
Дано в Sorrento 10.IV.27»
Архив Горького, Москва

Екатерина
Первой
Алексеев.

Дано
в
Sorrento
10. IV. 27.

С о ж и т е л е в. Многие говорят это.

Д у н я (вбегает — это кудрявая девица, лет 25-и, жеманится, приглядываясь к Сожителю, картавит). П'едставьте, все еще летят иск'ы! Я вынес'а на те'аску батистовое платье и вд'уг оно заго'елось, — вот такая ды'а! Я п'обежала сказать вам...

Я к о в л е в (наверх). Полина, — скорее! Что ты там — увязла? Надо убрать все со двора.

К и р и к (внушительно). Искры летят оттого, что люди роются на пожарище.

Д у н я (удивилась). Да?

К и р и к. А вы думали отчего?

Д у н я. П'едставьте, я вовсе не думала об этом!

Н а т а ш а (уронила на пол блюдце). Ах, несчастная.

Я к о в л е в. Хозяйка, э...^{10*}

П о л и н а (сверху). Нет ключа!

Я к о в л е в. Как же это?

К л а в д и я. Идемте, я отопру без ключа.

Я к о в л е в (Сожителю). Пожалуйте! Хаос-то ^{11*} у нас!

С о ж и т е л е в. Это — везде.

Д у н я. Ах, какой везде ужас, какое разорение!

Н а т а ш а. Забылась Дуня, нужно сказать — аззоение.

Д у н я. Ох, оставь твои сатирические шутки! Что тебе? Ты любишь осмеивать всех, а мне нравится картавить.

^{10*} Дуня — Клавдии. Твой муж ожегся, да? ^{11*} какой

Кирик. Для Натальи Ивановны ^{12*} стеснять людей — первое удовольствие!

Наташа. ^{13*} «Философия составляла любимый предмет Агафьи».

Дуня. Это что еще за Агафья?

Наташа. Старушка одна у Льва Толстого.

Кирик. Ваш Толстой мыло считал произведением искусства.

Наташа. Агафьюшка, это не Толстой, а Левин.

Кирик. Все равно. У серьезного писателя и герои не говорят глупостей.

Дуня. Наташа, — кто этот господин? ^{14*}

Наташа (*отложила ручку чашки*). Еще одно несчастье!

Полина (^{15*} *как во сне, спускается с лестницы*). Какое несчастье?

Наташа (*показывая ей чашку*). Вот. Как трудно трудиться, Поля!

Кирик (*идя в магазин*). Авдотья Павловна — на минутку!

Наташа (*наблюдая за мачехой*). О, дети, дети, — подумала баронесса, снисходительно и мудро улыбаясь ^{16*}. Поля, ты этого бритого не встречала раньше?

Полина (*беспокойно*). Где же? Куда я хожу? Только в церковь...

Дуня (*идет за Кириком*). Интересного мужчину и в церкви заметишь...

Полина (*ходит по комнате, дотрагиваясь до разных вещей*). Ничего я не замечала. Все это напрасно... не нужно...

Наташа. Что ты ворчишь?

Полина. А?

Бобиха (*входит с узлом в руке; женщина ^{17*} за сорок, крепкая, бойкая*). Здравствуйте, дорогие, на долгие года! Страхи-то, ужаси-то, пожара-ще-то каков? Я прямо, подобно мышке летучей, всюю ноченьку металась, не знай как! Третий разок посещает господь городок наш огненной бедой и раз от разу все погибельней. Растут, видно, грехи-то наши, возрастают! Не помочь ли вам в уборке-то, устали поди-ко?

Полина, разбирая вещи, часто поглядывает в окно, на двор, прислушивается.

Наташа. Вот именно, — помоги-ка!

Бобиха. Муженька твоего видела сейчас.

Наташа (*равнодушно*). Где?

Бобиха. С Василием Захаровым, с Кемским ехал.

Наташа (*идя в свою комнату*). Это хорошо, что крестный здесь.

Бобиха (*Полине*). Нет, как ведь господь оградил вас, — всего на два дома до вашего иссяк огонь...

Полина (*глухо*). Сгореть бы и этому...

Бобиха. Ну, зачем же? Нас — не стены держат, а глупость, да робость наша. Однако неудобный домик, неудобный! Что это Наташа не уговорит крестного совсем бы подарить ей рухлядь эту, по законной бумаге? А то — живете вы под барским капризом, сегодня — любезны, а завтра — пошли прочь! А Наташе-то продать бы дом этот, а я бы покупателя нашла.

Гликин входит из магазина; красивый молодой человек, лицо нахальное, немного выпивши или с похмелья. В кожаной куртке, охотничьих сапогах, в картузе с дворянской кокардой.

Бобиха. Дворянину — почтение! Что это какой кожаный сегодня?

Гликин. Не твое дело. Где тесть?

Кирик (*из магазина*). Палагея Петровна, дайте еще полотенце!

^{12*} Исправлено, было: Наталья Ивановна любит ^{13*} вздыхая ^{14*} как ^{15*} задумчиво ^{16*} Дуня, усмехаясь ^{17*} лет

Полина. Уж очень много вы пачкаете...

Глинкин. Вы что же не здороваетесь со мной?

Кирик. А вы со мной? Ведь вы мимо прошли.

Глинкин. Не заметил.

Кирик. И я вас тоже не заметил.

Глинкин. Дерзко. Я спросил: где тесть?

Бобиха. А ты кого спросил?

Глинкин. Что? Не все равно — кого?

Бобиха (*Полине*). Это куда?

Полина. Дайте мне это наверх. (*Идет.*)

Глинкин (*ворчит вслед ей*). Копченая рыба. Ну, как живешь, Бобиха?

Бобиха. А как привыкла: хиханьки да хаханьки, доходишки — махоньки, живу не тужу, всем служу, а тебе погожу! Когда долгишки-то отдашь мне?

Глинкин (*ходит вокруг стола*). Успеешь! Почему здесь водки нет? Все суетились, устали, — была же выпивка в конце концов.

Бобиха. А что про жену не спросишь?

Глинкин. Это не твое дело. Семья — священный оазис в пустыне жизни и никто не смеет вторгаться в недра.

Бобиха. Барин-то Кемской скоро придет сюда?

Глинкин. Во-первых, Кемской не барин мне, а дядя...

Бобиха. Ну, троюродный.

Глинкин. Все равно, дура! У нас, дворян, семейное начало не как у вас, хамов...

Наташа (*вышла, приседает*). Виконт!

Глинкин. Не паясничай! Где отец?

Наташа. Пошел сдавать какому-то господину квартиру во флигеле. Ну-с?

Глинкин. Не господину, а дураку. Разве во флигеле можно жить? Куда это ты вырядилась?

Наташа. За провизией к обеду.

Глинкин. Водки купи.

Наташа. Слушаюсь!

Сожителей (*входит 18**). Всякий человек должен иметь хозяина.

Яковлев (*идя за ним, весело*). Обязательно! И надо всеми — господь! Приятно слышать такие речи в наше время всяческого буесловия! Очень приятно! Теперь позвольте вас познакомить с моими: дочь, Наталья!

Сожителей (*кланяется, не подавая руки*). Петр Васильев Сожителей.

Наташа (*приседая*). Наталья Глинкина, рожденная Яковлева.

Глинкин (*важно*). Тихон Степанов Глинкин, юрист...

Наташа. Из пятого класса реального училища...

Глинкин (*окинув ее презрительным взглядом*). Личный секретарь земского начальника Кемского.

Сожителей серьезно кланяется.

Яковлев. А это — Бобиха, торгует старинными вещами...

Бобиха. Продаю, покупаю, распрекрасную невесту сосватать могу...

Сожителей. Это — выгодно старинными вещами торговать?

Глинкин. Ерунда! Обман! Она сама выдумывает эти вещи.

Бобиха. Вещь, сударь мой, нельзя выдумать, ее надо сделать!

18* в дверь со дво<ра>

А без обману нельзя, все любят обманути быть, лишь бы хорошо обманули!

С о ж и т е л е в. Теперь ведь ампиром интересуются?

Б о б и х а. Вот, вот, — им самым: факелы да веночки, веточки да колонки, а старухе — хлебца кусок!..

Я к о в л е в. А вот ^{19*} жена...

Полина прячет руки за спину, отступает.

С о ж и т е л е в (*кланяется ей*). Весьма рад. Так вы позвольте мне смерять там, — нет ли у вас рулетки или аршина?

Я к о в л е в. Полина...

П о л и н а (*села на стул*). Нет.

Я к о в л е в. Как — нет?

Н а т а ш а. Аршин у меня в комнате.

Полина не двигается.

Я к о в л е в. Ты слышишь?

Н а т а ш а (*идет к себе*). Я принесу.

Я к о в л е в (*жене*). Ты — что?

П о л и н а (*тихо* ^{20*}). Устала.

Я к о в л е в. Ну... Все устали!

Н а т а ш а (*подавая аршин*). Извольте.

С о ж и т е л е в (*кланяясь*). Благодарю.

Я к о в л е в. Может — помочь вам, а?

С о ж и т е л е в. Нет, не беспокойтесь, я сам... Тут надо многое сообразить. (*Ушел.*)

Я к о в л е в. Ну, вот, — похоже, что хороший постоялец, видимо, со средствами, слуга у него...

Б о б и х а. Слуга-а? Ого!

Я к о в л е в. Капризен, будто. И форсун. Не великого ума видать, да... Вот я забочусь обо всех, как лучше, покойнее, а вот зятек...

Н а т а ш а. Ну, начинается! (*Идет в магазин.*)

Я к о в л е в. Что — начинается? (*Жене.*) А ты чего сидишь вороной? Убирай дом скорее!

П о л и н а (*встает*). Я — одна...

Г л и н к и н (*иронически*). Ха-арошенькое обращение с женщиной...

Я к о в л е в. Ты, Тихон... эх, грешить не люблю! Полина, я к соседу схожу на минуту, ты тут ^{21*} постояльца прими этого...

П о л и н а. Я?

Я к о в л е в. Ну да, а — кто? (*Уходит в магазин, сердито говорит там с Кириком.*)

Г л и н к и н (*осматривая стены*). Ни одного зеркала, — нельзя даже понять, существуешь ты или нет. Если меня спросит кто — я в комнате Наталья буду. Я тоже устал!

Б о б и х а. Отдохни; сударь, отдохни! (*Когда Глинкин затворил за собою дверь.*) Экой бездельник, экой прохвост, а? Даже удивительно! А ты, Палагея Петровна, не хороша сегодня, — что это ты?

П о л и н а (*идет в кухню*). Где же Клавдия?

Б о б и х а. А она к этой, к Дуне, за нафталином побежала. (*Подходит к окну, делает знаки, оглядываясь.*) Тсс... тсс!

С о ж и т е л е в (*в окне*). Ну, что?

Б о б и х а. Ладно ли дело-то?

С о ж и т е л е в. Да, ничего! Ты иди и скажи ^{22*}.

^{19*} позвольте,

^{20*} жалоби(о)

^{21*} задаток возьми

^{22*} Николаю

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА»

Горьковский Драматический театр им. Горького, 1958 г.

Первое действие: Полина — Э. В. Суслова, Бобова — Т. П. Рождественская

Фотография

Всероссийское театральное общество, Москва

Б о б и х а. Ну, ну, понимаю...

С о ж и т е л е в. Что это за дурак, зять этот?

Б о б и х а. Так, щеночек, он у меня в горсти...

С о ж и т е л е в. Никого нет?

Б о б и х а. Позвать ее, что ли?

С о ж и т е л е в (скрываясь). Да скорее!

Бобиха идет в кухню, по дороге заглянув в магазин, Сожителев является из двери со двора ^{23*}, почти в ту же минуту из кухни вышла Полина, смотрит на Сожителева со страхом, он спокойно усмехается ^{24*}.

П о л и н а (тихо ^{25*} испуганно). Зачем вы пришли? Зачем?

С о ж и т е л е в (говорит тихо, спокойно, с легкой усмешкой ^{26*}, трудно понять — серьезно или шутя ^{27*}). Я вчера, на улице, и тогда, в церкви, сказал, что не отстану, найду, — вот и нашел.

П о л и н а. Прошу вас — уйдите!

С о ж и т е л е в (усмехаясь). Не надо притворяться.

П о л и н а. Что вам нужно от меня? Кто вы такой?

С о ж и т е л е в (все так же с усмешкой). Судьба, хозяин... влюбленный человек...

^{23*} оглядывает ^{24*} Далее вся вставка на наклейке. Под наклейкой: П о л и н а (тихо). Зачем вы пришли, зачем? С о ж и т е л е в. Я тогда в церкви сказал, что не отстану, найду, — вот и нашел... П о л и н а. Я прошу вас — Христа ради — уйдите... С о ж и т е л е в. Ну не надо ломаться... П о л и н а. Прошу же вас! Кто вы такой? С о ж и т е л е в. Судьба твоя! Твой хозяин. ^{25*} с ^{26*} и нельзя ^{27*} Исправлено, было: шутливо

Полина. Я вас не знаю, я не хочу...

Сожителев. Я —^{28*} ваша судьба^{29*}, вы — моя^{30*}.

Полина. Христом богом прошу — уйдите! Не могу я, — ничего не могу! Он меня с земли поднял...

Сожителев. И поместил в скуку, в тюрьму...

Полина. Смотрите — грех будет, я...^{31*}

Сожителев (*хмурясь, спокойно*). Ну^{32*}, чему быть, того не миновать, а чего я хочу — будет. Всегда.

Полина (*прислонясь к двери*). Кто вы такой?

Сожителев. После^{33*} поговорим. А я^{34*} вас — знаю! Долго я смотрел, как вы молитесь^{35*}, не один раз. В^{36*} ваши годы так молятся, когда хотят согрешить, а — бояться...

Полина. Врете! Вы врете!..^{37*} Ну, — добрый человек, уйди же! Я... я тебя прошу...

Сожителев (*усмехаясь*). Грешница ты в мыслях и очень любишь грех, очень ждешь его!

Полина. Нет! Не правда. Не хочу!

Сожителев. Брось. Меня не обманешь...

Полина. Я не грех люблю... я боюсь^{38*}.

Сожителев. Ну, довольно же! Тут дело простое: вы мне нужны^{39*} и душе, и телу — вот и все! И я^{40*} вам нужен...^{41*} (*Громко и деловито.*) Так вот, хозяйка: сейчас же я и пришлю своего парня с плотником. (*Шепчет ей.*) Отвечайте^{42*} мне, ну!

Полина. Хорошо. Да.

Из двери магазина подозрительно смотрит Кирик, идет Кемской, старик лет 60, весь какой-то неприбранный, одичавший, с неподвижной улыбкой на лице. Одет в парусиновый балахон-пыльник, на голове — выцветшая дворянская фуражка, в руках — пара уток.

Кемской. Кто такое, а?

Сожителев. Постоялец. Снял^{43*} флигель.

Кемской. А! Хорошо. Семейный?

Сожителев. Одинок.

Кемской. Почему?

Сожителев. Холостому удобнее.

Кемской. Гм. Может быть. Полина, Тихон здесь?

Полина (*очнувшись*). Да.

Кемской. Бросил меня, ушел. Я говорю: возьми жене уток, а он — ушел. Вот — утки, Наташе. Да. (*Сел к столу, присматриваясь к Сожителеву.*) Вы — квартиру сняли? Гм. Чем занимаетесь?

Сожителев (*не спеша двигаясь к двери магазина*). Изобретаю новый сплав...

Кемской. Сплав леса?

Сожителев. Чугуна.

Кемской. Не понимаю.

Сожителев. До свидания. (*Ушел.*)

Кемской. Полина^{43*}, как это он тут...

Полина (*тихо*). Не знаю, не знаю...

Кемской. Не сгорели?

Полина. Нет.

28* ТВОЯ 29* ТЫ 30* Ты меня слушайся!.. 31* убью 32* полно 33* узнаешь
34* тебя 35* Исправлено, было: ты молишься... 36* твои 37* Исправлено, было: Врешь!
Ты врешь!.. 38* жить в тоске... спасенья ищу от всего... 39* Исправлено, было: Ты
мне нужна 40* тебе 41* Иди! 42* Исправлено, было: Отвечай 43* Что это

К е м с к о й. Наташа испугалась?

П о л и н а. Не дитя она.

К е м с к о й. Да, конечно. Приготовь ей уток, зажарь... Помоги мне снять это!

Б о б и х а (*идет из кухни*). Я помогу, ты уж иди, стряпай, Палагея Петровна!

К е м с к о й. Ага, лиса, ты здесь, а?

Б о б и х а. Несчастье всех в одну кучу кладет, Василий Захарыч, миротворец ты наш.

К е м с к о й. Погорела, а?

Б о б и х а. Нет, господь помиловал!

К е м с к о й. Какое же у тебя несчастье? Не понимаю. Ты сама — несчастье! (*Доволен словом, сипло смеется*.) Вот — именно, ты сама несчастье, а?

Б о б и х а. Ну, что это вы говорите, добрячек такой? А обещаньице-то свое не исполнили?

К е м с к о й. Какое, ну?

Б о б и х а. Подсвечники-то обещали продать мне?

К е м с к о й (*отмахиваясь*). Пошла, пошла! Подсвечники! Это — канделябры, — да! Это редкость...

Б о б и х а. И часики каминные обещали...

К е м с к о й (*строго*). Иди прочь!

Бобиха отошла в угол, тихо роется там, разбирая вещи, ее почти не видно.

Я к о в л е в (*входит*). Василию Захаровичу...

К е м с к о й ^{44*}. Здравствуй, да... Вот что, брат-кум, тут — а, эти у тебя, ^{45*} постояльцы все, какие-то. Это, брат, мне не нравится...

Я к о в л е в (*разводя руками*). Как же быть? Ведь и мне без людей лучше, да бедность понуждает...

К е м с к о й. Подожди! Я дал дом Наташе, ^{46*} а ты устраиваешь тут постоянный двор какой-то. Нахлебники, постояльцы, — это я плохо понимаю. Все-таки это — мой дом? Да. Я приезжаю, — вдруг какой-то человек... Надо, брат, быть деликатным.

Я к о в л е в (*волнуясь*). Василий Захарович, однако же войдите в положение! Улица — глухая, не торговая, магазин работает плохо-с! На ^{47*} старом месте, на юру — было лучше, а здесь — я потерял, — кто сюда пойдет?..

К е м с к о й. Ну, это — я не знаю. ^{48*} Я сделал, что мог: пристроил тебе ^{49*} эту лавочку, испортил фасад дома и — так далее. Но — постоянный двор, я осуждаю. Нахлебники и все это ^{50*} мне не нравится. Я, брат, старик...

Я к о в л е в (^{51*} *глухо, нервно шевеля пальцами*). У меня, Василий Захарович, сын есть — учится в столице, как вы знаете, ему надо помогать. А что вы ^{52*} Наташу замуж выдали, то это-с...

К е м с к о й. Ну, да! Я пойду наверх, скажи, чтобы мне дали мыться.

^{44*} К е м с к о й. Ну, что, кум, а? Пожары, беспорядок, брат, у тебя тут!

Я к о в л е в. Это все Палагея, вот я ее сейчас. (*Идет в кухню*.)

Б о б и х а. Загоняли бабочку...

К е м с к о й. Ну, я пройду наверх. Скажи, чтоб мыться приготовили мне...

К и р и к (*из магазина*). Вас спрашивает окологочный.

К е м с к о й (*уходя по лестнице*). К письмоводителю.

Далее (*до появления Иванова*) вставка на особом листе (одна с четвертью страницы) с пометой Горького красным карандашом: № 3.

^{45*} все ^{46*} чтоб она жила ^{47*} прежнем ^{48*} Я не ча ^{49*} Магази^н ^{50*} — надо и ^{51*} молчит ^{52*} дочь

Яковлев. Это, позвольте сказать, вышло неудачно-с! Ваш племянник, а мой зятек...

Кирик (*из магазина*). Василия Захаровича окологочный спрашивает.

Кемской (*с лестницы*). К письмоводителю.

Яковлев (*грозит вслед ему кулаком, оглядывается*,^{53*} *видит Боби-ху*). Слышала, а? Каково?

Бобиха. Что уж тут!.. Эхе-хе!

Яковлев (*идя в кухню*). Да, вот и живи... эх, бедность! Иди, неси ему воду-то...

Бобиха. Ладно, сейчас...

Иванов (*окологочный, веселый, бойкий франт*). Эй, Бобиха, погоди!

Бобиха (*у двери кухни, подмигивая на лестницу*). Шш!

Иванов. А что?

Бобиха. Земский.

Иванов. А! Ну, не велика персона. Ты что тут делаешь?

Бобиха. Помогаю в уборке.

Иванов. Куда этот нахлебник твой выехал?

Бобиха. А, — дай бог память...

Иванов. В Сморгонь?

Бобиха. Что ты, милый, такого места и нет на земле.

Иванов. Ну, я лучше тебя знаю, что есть и чего нет. А скоро я тебя поймаю, милая дама!

Бобиха. Ах, гонитель ты мой, Нерон жестокой, — и за что ты меня поймаешь?

Иванов. А — за шиворот. Не держи воров, не скупай краденого!

Бобиха. Да я все покупаю, слона мне приведут, так я и слона.

Иванов. Ладно! Точи зубы-то.^{54*} Слушай, — на-ко, вот, пересунь. (*Подает ей записку*.) Понимаешь кому?

Бобиха. Ну, Клавдии...

Иванов. Шш! Не Клавдии, а Дуне Першиной.

Бобиха. Уж и в эту сторону метнуло...

Кемской (*с верха*). Что же воды?

Бобиха (*бежит*). Сейчас, родимый...

Иванов. Найди мне письмоводителя. (*Подошел к окну, вынул из кармана письмо, улыбаясь читает*.)

Из двери магазина на него сердито смотрит Кирик. Из комнаты Наташи вышел Глинкин, увидав окологочного, сморщился, хочет уйти обратно.

Иванов (*обернувшись, пряча письмо*). Примите два пакета.

Глинкин (*подошел, взял пакеты, взвесил на руке*). Это что?

Иванов. Не знаю. Мое дело — сдать, ваше — принять да расписаться.

Глинкин. Прошу не указывать мне моих обязанностей.

Иванов. Ах, извините!

Глинкин. Да-с! (*Расписываясь в книге*.) Можете идти.

Иванов. Благодарю за разрешение.

Кирик (*смеется зло*). Экая комедия!

Глинкин. Что-с?^{55*}

Иванов. Скоро и вам лично повесточку вручу!

^{53*} затравленно, идет в кухню ^{54*} Далее на вклейке до слов Кемского. ^{55*} Далее на вклейке до прихода Ефимова.

К и р и к. Опять? За что?

И в а н о в. Буйство в общественном месте.

Г л и н к и н (*гордо*). Это — не буйство, а — протест против засилия инородцев!

И в а н о в (*даже удивился*). Это ^{56*} Кознов Иван Лукич — инородец?

Г л и н к и н. Я лучше вас знаю кто — кто!

И в а н о в. Н-ну, знаете... пр-роницательный вы человек!

Е ф и м о в (*входит из магазина, — унылый, линючий мужчина с маленькой бородой. Рука завязана*). Н-ну, я думал обед готов, а тут еще — Содом и Гоморра...

И в а н о в. Обожглись?

Е ф и м о в. Да. Везет мне. Велосипед сейчас сломал. Скоро мимо нас трупы повезут.

Г л и н к и н. Приятное сообщение.

И в а н о в (*Ефимову*). Вечером — в «Порт-Артур»?

Е ф и м о в (*показывая руку*). Какой же я игрок!

И в а н о в. Ради пары пива. До свидания, благороднейший г. Глинкин. (*Глинкин пожимает плечами. Ефимову.*) Ну, до вечера, скучный господин!

Е ф и м о в ^{57*} (*вздыхая*). Трудно быть веселым, имея фамилию — Ефимов.

И в а н о в. А я вот Иванов ^{58*}, однако, — не скучаю! Нисколько даже!

Н а т а ш а (*с покупками, в дверях магазина*). Здравствуйте, Пинкер-тон!

И в а н о в. Позвольте помочь!

Н а т а ш а. Не трудитесь. У нас домашних кавалеров в избытке за-квашено. Вы с чем?

И в а н о в. С бумагами. А сейчас — к соседу, к Першину.

Н а т а ш а. Воевать? Смотрите, не проиграйте приз!

И в а н о в. Не беспокойтесь. До свидания!

К и р и к. Это вы о каком призе?

Г л и н к и н. Удивляюсь, как ты можешь фамильярничать с этим...

Н а т а ш а. Вы знаете, что в моих жилах течет рыжая плебейская кровь! Крестный — здесь?

К и р и к. У себя. Какой это приз?

Н а т а ш а. После скажу ^{59*}. (*Идет наверх.*) Тихон, скажи Поле, что я пришла, можно накрывать стол.

Г л и н к и н. Подмастерье, ступайте, скажите...

К и р и к (*вспыхнув*). Вы, сударь мой, — тише! Я человек неожидан-ностей! Никто не знает, на что я способен! Я вам покажу... приз! (*Ушел в магазин.*)

Г л и н к и н (*струхнул, ворчит*). Эх его! Сумасшедший...

Е ф и м о в. Да, он — странный... Сердится. Где это жена моя, а?

Г л и н к и н. Скучно, чёрт возьми! Вот и пожар был, а — скучно!

Е ф и м о в. Вам — что? У вас все-таки фамилия оригинальная — Глинкин. Напоминает Глинку, «Жизнь за царя». А вот когда — Ефимов, это уж безнадежно!

Г л и н к и н. Чепуха! Впрочем, — я не совсем понимаю ^{60*} ваши идеи...

Е ф и м о в (*задумчиво*). Идея — простая. Все ^{61*} великие люди носили соответственные фамилии: Кутузов, Некрасов, Толстой, — ^{62*} а если

^{56*} Хоменко-то ^{57*} нельзя быть ^{58*} а мне ^{59*} Ефимов, а вы все скучаете? Е ф и м о в. Нельзя же быть веселым с такой фамилией, как моя! ^{60*} эти ^{61*} значи-тельные ^{62*} даж(е)

сказать: великий человек Ефимов — никто этому не поверит, — да-а...

Б о б и х а (*идет из кухни*). Наташа-то пришла?

Г л и н к и н (*живая на пакеты*). Видишь...

Е ф и м о в. Бобиха, жену мою не видала?

Б о б и х а (*ставит стулья к столу*). А вон, поглядите на двор-то... То есть до чего благочестивец наш, боголиз, тестюшко твой, Тихон Степаныч, Палагею заел ^{63*} даже глядеть нудно!

Е ф и м о в (*у окна*). С кем это она там беседует?

Б о б и х а. Только и твердит: я тебя с земли поднял, я тебя из грязи вынул!

Г л и н к и н. Это мне не интересно...

Б о б и х а. Эка важность — поднял! Эдакую-то бабочку, да не под-
нять. Всяк бы поднял, дело — дешевое, а удовольствие большое, — да!

Е ф и м о в (*кричит в окно*) ^{64*}. Клавдия, ты с кем?

Г л и н к и н (*Бобихе, тихо*). Ревнив ^{65*}, чёрт!

Б о б и х а. Без ревности — не любовь. ^{66*}

Е ф и м о в (*идя на двор*). Эти разговоры через заборы...

Г л и н к и н (*за ним*). Бобиха, скажи, чтоб скорее собирались обедать.

Б о б и х а (*про себя*). Поспеешь, дроздова голова.

П о л и н а (*с тарелками*). Господи, как тут все нехорошо.

Б о б и х а. Кому прибрать ^{67*}? У вас все баре. Охо-хо!

П о л и н а. Ты...

Б о б и х а. Что?

П о л и н а. Так. (*Помолчав, развертывая пакеты*.) Ты в судьбу ве-
ришь?

Б о б и х а. А как же? ^{68*}

П о л и н а. И в бога веришь.

Б о б и х а. И в бога. Что это ты, матушка, спрашиваешь как?

П о л и н а. А кто сильнее: судьба или бог?

Б о б и х а. Ну, уж этого не знаю... Уж чего не знаю — так не знаю!

Н а т а ш а (*идя сверху* ^{69*}). Ну, смотрите же, если вы этого не сделае-
те — разлюблю.

К е м с к о й. Сделаю, сделаю! Да. Утки готовы?

Б о б и х а. Готовы, батюшка!

К е м с к о й. Кто жарил?

Б о б и х а. Палагея Петровна.

Н а т а ш а. Бобиха, зови всех ^{70*}. (*Кемскому*.) Садитесь, папашка!

^{71*} К и р и к (*из магазина*). Везут сгоревших.

Б о б и х а (*бросаясь в магазин*). Ой, господи...

Все идут спешно в магазин, остается Полина, стоит, опершись руками о стол.
Из кухни — Яковлев.

П о л и н а (*встрепенулась*). Иван Иванович...

Я к о в л е в (*проходя к двери магазина*). Ну?

П о л и н а. Подожди минуту.

Я к о в л е в. Чего такое? Там, слышь, обгоревших везут...

П о л и н а. Напрасно ты сдал флигель.

Я к о в л е в (*приостановясь*). Это — твое дело?

П о л и н а (*твердо*). Мое.

^{63*} просто ^{64*} Исправлено, было: отходя от окна ^{65*} же ^{66*} Наташа идет по лестнице с Кемским. ^{67*} Исправлено, было: убрать. ^{68*} П о л и н а. Но, если — судьба, так ^{69*} по лестнице ^{70*} К е м с к о й (*сидясь*). Я ^{71*} Ефимов в окно со двора

Яковлев (удивлен). Чего? ^{72*}

Полина. Этот человек — нехороший... ^{73*}

Яковлев. А тебе какое дело, а?

Полина. Ты — добрый... Ты, пойми, ведь я — молчу! Я всегда молчу! Ведь уж если я говорю — значит...

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА»

Горьковский Драматический театр им. Горького, 1958 г.

Первое действие: Яковлев — Н. А. Левкоев, Лузгин — В. А. Соколовский

Фотография

Всероссийское театральное общество, Москва

Яковлев. Значит — я с тобой должен серьезно поговорить! Я и — поговорю, погоди! *(Быстро идет в магазин.)*

Полина *(оглядывается вокруг ^{74*} почти с ужасом, ^{75*} шепчет)*. Ах... ну, хорошо... ну — все равно ^{76*}...

Клавдия *(вбегает со двора, встревожена)*. Поля, милая! Мой-то накрыл было меня с Ивановым, — слушай-ка сходи к Дуне, — пусть она скажет, что я с ней говорила сквозь забор, — сбегай, милая, а я тут. Что ты какая? Дурно, что ли, — что ты?

^{77*} Полина *(как в бреду)*. Клава — я плохой человек, ну — скажи правду! Нет, подожди, — ведь меня можно пожалеть, выслушать?

^{72*} Ты кто? ^{73*} Яковлев, присматриваясь к ней. Н-да? ^{74*} дико ^{75*} руки у нее дрожат ^{76*} господи, господи! ^{77*} Далее, до конца действия, на наклеенном листе. Под ним текст: Полина *(оправляясь)*. Ничего. Я сейчас сложу *(пьет воду)*. Будем, Клава, жить дружно... помогать — я тебе, ты... *(нехорошо смеется, идет к двери на двор)*. Ты не бойся! Бояться — некого... Клавдия *(смущенно)*. Поля, слушай, что с тобой?.. Ефимов *(из двери магазина)*. Ты опять с Ивановым... Клавдия *(спокойно)*. Опомнись! Его и не было здесь, он у Першиных. Ефимов.

Ведь я все молчу, я уже четвертый год молчу, вся живу, спрятавшись в сердце своем,— вся в своем сердце.

К л а в д и я ^{78*} (*беспокойно*). Поля, что ты говоришь? Нездоровится тебе?

^{79*} П о л и н а (*тихо, горячо*). Подожди,— ну, хорошо: я — грешница, я тяжело согрешила...

К л а в д и я. Эх, что вспомнила...

П о л и н а. Нет, подожди! За грех мой — меня напугали, меня мучили, господи, как мучили! Меня надо простить, пора простить меня,— ведь я же не собака, ведь меня нельзя звать, как собаку,— свистнул кто-то, и я должна бежать к нему, если он свистнул мне,— ведь я же — человек, я...

К л а в д и я (*оглядываясь*). Ах, да послала бы ты к чёрту своего кривого! Что мне делать? Сейчас придет мой. Полинька, сбегай к Дуне-то, а? Скорей...

П о л и н а. ^{80*} Зачем?

К л а в д и я. Ах, боже мой, ты ничего не можешь понять.

П о л и н а. Не могу. Да, ^{81*} я — ничего не понимаю,— ничего!

Е ф и м о в (*идет из магазина, уныло говорит*). А вы, сударыня, опять начали беседы ваши ^{82*} сквозь забор!

К л а в д и я. А тебе опять мерещится?

Е ф и м о в. Ты с кем говорила?

П о л и н а (*прибирая на столе, машинально говорит*). С Дуней говорила...

Е ф и м о в (*смотрит на нее*). Я спрошу Дуню!

К л а в д и я. Спроси.

Е ф и м о в. И спрошу...

Полина вдруг тихонько засмеялась.

Е ф и м о в. Это над чем же вы?

П о л и н а (*почти со слезами, тоскливо*). Над собой, право, над собой!

Е ф и м о в. Что же такое смешное в себе нашли вы? Не вижу я ничего веселого.

К л а в д и я. При тебе и с горя засмеешься!

Н а т а ш а ^{83*} (*за нею все идут из магазина*). Ну,— садитесь, садитесь! Тут я купила такие вкусные штучки. Папашка ^{84*}, мы выпьем?

К е м с к о й. Да!

Н а т а ш а (*наливая*). За всех милых сердцу — бывших, настоящих и будущих! И за исполнение вашего обещания, папашка,— да?

К е м с к о й. Я же дал тебе честное слово!

Н а т а ш а. Итак — пью за милое будущее!

Занавес.

Я сам видел его здесь! К л а в д и я. А я, вот, не видала. Е ф и м о в. А с кем ты на дворе разговаривала сквозь забор? К л а в д и я. С Дуней, конечно. Е ф и м о в. Я спрошу ее. К л а в д и я. Пожалуйста! Е ф и м о в. Я — спрошу! (*Из магазина идет Наташа, Кемской, Яковлев, Бобиха, Кирик*.) Н а т а ш а. Ну — прошу садиться! Тут есть такие вкусные штучки! Папаша, мы выпьем? К е м с к о й. Да! Н а т а ш а (*наливая*). За здоровье всех сущих здесь и милых сердцу, — да? ^{78*} смущена ^{79*} П о л и н а. Подожди, — ну хорошо, — я грешница, но ведь я же не собака, ведь нельзя меня звать как собаку, свистнул и — беги, и я должна бежать, если кто свистнет мне, господи — ведь я человек! ^{80*} (*Очнулась*). Хорошо, я — сейчас. ^{81*} К л а в д и я ^{82*} чер(ез) ^{83*} и ^{84*} Исправлено, было: Папаша

II

Вечер, в комнате все скучно прибрано ^{85*}. Из открытой двери магазина торопливое, разнозвучное тиканье часов. Слышен шум, запирают дверь с улицы, потом выходит Сожителей, в зубах погасшая коротенькая трубка; он, видимо, обеспокоен, но старается скрыть это; за ним — Яковлев, в руке — ключи, взволнован, его как-то ломает, говорит торопливо, негромко.

Яковлев. Что ж, — продолжим беседу?

Сожителей. Как хотите.

Яковлев. Тут никого нет. Жена с постоялкой у всенощной, дочь с крестным гулять пошла... Кирик тоже ушел...

Сожителей беспшумно ходит, молчит.

Яковлев. Так как же, а?

Сожителей (*негромко, небрежно*). Да вы решайтесь...

Яковлев. Опасное дело.

Сожителей (*так же*). Опасное.

Яковлев. А работа — отличная!

Сожителей. Умеют.

Яковлев. Дайте еще разок взглянуть?

Сожителей вынул монету, бросил ее на стол, снова ходит, покусывая губы.

Яковлев (*разглядывая монету в луну*). Вот оно — желтенькое! Добро и зло, все от того, как взять. И само имя какое — золото! Толчок — слово, удар! Эх, — хорошо можно жить с этим!..

Сожителей (*усмехаясь, небрежно*). Вы сразу берите, просто. Жизнь — коротка, думать некогда.

Яковлев (*с досадой*). Говорите вы всегда будто шутя, а — несмешно, невесело...

Сожителей. Я редко шучу. Не умею.

Яковлев. Ох, как бы я куманька моего благородного сдунул, за всю его доброту ко мне! Да и зятя, да и...

Сожителей (*рассеянно*). Сына обеспечите, дочь...

Яковлев. С деньгами много добра можно сделать.

Сожителей. Да. Пробуют.

Яковлев (*громче, подозрительно*). Только — вот что: как это вы сразу заговорили со мной о таком деле...

Сожителей. ^{86*} Имею причину. Да я всегда — сразу...

Яковлев. А не боитесь?

Сожителей. Чего же бояться?

Яковлев. Как знать? Вдруг я в сыскное.

Сожителей (*удивлен, остановился*). Вы? (*Смеется тихонько*). Ну, зачем же?.. Что вы там скажете? Свидетелей нашему разговору нет.

Яковлев. А если я — после, когда начнем?

Сожителей. И после ничего не будет.

Яковлев. Ну... Удивляюсь я...

Сожителей (*с досадой*). Удивляться — занятие пустое...

Яковлев (*откинув монету*). Решить, что ли, а? Бог милостив, он и грех допускает, не допускал бы, — не грешили бы мы, а?

Сожителей (*грубовато, подходя к нему*). Об этих делах я не умею говорить. Вот что: вы Клязьмина помните?

Яковлев (*вскочил, испуган*). Я? Какого? Позвольте...

Сожителей (*пренебрежительно усмехаясь*). Он у Бобихи квартировал... Он говорил мне, что вы работали на него...

^{85*} мебель в пару ^{86*} Исправлено, было: Имел

Яковлев. Я?

Сожителей (*отошел*). Не умеете вы притворяться...

Яковлев (*сел, подавлен*). Вот вы как... да?.. Когда так...

Сожителей. Что ж, ^{87*} — чудак я какой-нибудь? Не стану же я предлагать рискованное дело человеку незнакомому, ненадежному...

Яковлев. Зачем же эта игра ^{88*} со мной...

Сожителей (*раскуривая трубку*). А я люблю испытать человека.

Яковлев (^{89*} *обиженно*). С Клязьминим было один раз всего. Нужда у меня была, — надо было сына отправлять, он...

Сожителей (*лениво*). Говорить надо меньше, слова только путают...

Яковлев (*настойчиво*). Я — честный человек! Если один раз согрешил...

Сожителей. Н-ну, мне все равно: один ли, одиннадцать ли. Ведь подделываете вы старинные вещи для Бобихи...

Яковлев (*зло усмехаясь*). И это известно! У Бобихи тоже сын!

Сожителей (*снова у стола, двигает рассеянно монету пальцем, не заметив, задвинула ее под кружок, на котором стоит лампа, отходит прочь*). Лишнее все это.

Яковлев. Дети-то лишнее?

Сожителей. Слова.

Яковлев. Дети — оправдание всякому делу, для них — ничего не стыдно, не страшно. Я на грех иду ради добра, на худое хорошего ради, да!

Сожителей. Добро, так добро, это все равно мне! Пускай — добро и нет ему никаких пределов, границ...

Молчание. Яковлев согнулся, задумался. Сожителей ходит покуривая.

Яковлев. Пределы-то должны быть! Господня доброта и то — не беспредельна, и господь наказует ведь!

Сожителей. Может это не он, а мы сами друг друга мучаем.

Яковлев (*внимательно*). Это как же?

Сожителей. Так. (*Усмехается*.) Ежели вы берете на себя грех других-то людей ради, — за что же наказывать вас? За доброту вашу?

Яковлев (*так же*). Шутите, что ли?

Сожителей. Нет, это я думаю вслух. Никто не знает, как тут быть. Все живут, как указано, по привычке. А может — созданный дальше создавшего в добре-то пошел?

Яковлев (*встрепенулся*). Это, однако, с умом сказано! Ведь этим сколько же оправдать можно!

Сожителей (*тихонько смеется*). То-то же! Вот вы и оправдайте...

Яковлев (*оживился*). Нет, это вы ловко, а?

Сожителей (*прислушиваясь*). Идет кто-то...

Яковлев. Пойдемте в сад, поговорим еще немножко, а?

Сожителей. Что ж... Говорить-то не о чем бы.

Яковлев. ^{90*} Найдем! Созданный дальше создавшего может быть...

Сожителей (*задумчиво*). А что за парень Кирик этот?

Яковлев. Он? Куда угодно! ^{91*}

Глинкин (*навеселе, из кухни*). Жена дома?

Яковлев. Нет.

Глинкин. А говорят: женщина — домашнее животное...

Яковлев. Дворянская шуточка! ^{92*} (*Идет за Сожителями.*)

^{87*} вы думали ^{88*} эта ^{89*} настойчиво ^{90*} Впрочем... ^{91*} Жаден... ^{92*} Исправлено, было: Дворянские шуточки и слушать

Г л и н к и н (*иронически смотрит вслед им, покачиваясь на каблуках, сел к столу, вынул папиросу, ворчит*). Вахлаки, хамы! (*Небрежно, не глядя, ищет спичек на столе, дотронулся до монеты, взял ее, делает такой жест, точно вставил монокль в глаз, развалился на стуле и рассматривает монету.*) Странно... гм? (*Прячет ее в карман жилета, закури-вает.*)

К и р и к (*в котелке, который не идет к его лицу, одет франтовато, что делает его еще более некрасивым. Говорит грубовато*). Тогда непонятно — зачем же вы женились?

Е ф и м о в. Женился, как все, — для удовольствия и пользы своей...

К и р и к. Но ведь дети-то будут Ефимовы?

Г л и н к и н (*пренебрежительно*). Э, вы все об этом! Чепуха!

Е ф и м о в. Детей у меня не будет.

Г л и н к и н. Не желаете?

К и р и к (*серьезно*). Это — другое дело.

Г л и н к и н. Когда вы, швейная машина, перестанете рассуждать об этом, а?

К и р и к (*поучительно и вызывающе*). Теперь такое время, чтобы рассуждать. Раньше каждый жил, как ему велено, а нынче — не угодно ли самому о себе подумать!

Г л и н к и н. Это вы меня поучаете?

К и р и к. Хотя бы и вас.

Е ф и м о в. Если я агент по продаже швейных машин — в этом нет ничего удивительного! С фамилией Ефимов нельзя быть великим человеком.

Г л и н к и н (*хохочет*). Опять?

Е ф и м о в. Всегда скажу. Если все мои предки ничем в жизни не отличились, ^{93*} не могли себя поставить заметно и меня сделали, так сказать, невидимым, то я, человек рассуждающий, протестую против своей пустой природы и, не желая распространять ее далее, — обязан не родить детей...

Г л и н к и н. Вы точно прошение читаете!

К и р и к (*задумчиво*). Это будто бы резонно...

Е ф и м о в. Поймите, как угодно, но я упрям.

К и р и к. Да, незначительные люди — лишние...

Г л и н к и н. А что, чай будет здесь, а?

Е ф и м о в. Род человеческий можно исправить только воздержанием от деторождения. Об этом даже в книгах доказано...

Г л и н к и н. Однако, чёрт вас возьми! — вы долго можете говорить на эту тему?

Е ф и м о в. Всю жизнь, потому что я на всю жизнь обижен предками, вследствие их незначительности...

Г л и н к и н (*важно*). А грех?

Е ф и м о в. Где же тут грех.

Г л и н к и н. Брак — таинство!

Е ф и м о в. ^{94*} А как же без брака?

Г л и н к и н. Любовницу!

Е ф и м о в. Любовница и дешевенькая все будет дорожке стоить, чем жена. К тому же я отстраняю всякий грех, — я ведь ^{95*} всего человека отстраняю. Человек — вещь ненужная...

Г л и н к и н. Чёрт знает что!

Е ф и м о в. И вообще я не признаю греха...

Г л и н к и н. Это уж, батенька, слишком!

Кирик. Любите вы барина играть, а не умеете.

Глинкин. Я, кажется, не говорю с вами, а?

Кирик. А я, вот, говорю!

Глинкин. А я не желаю слышать вас...

Ефимов. Собственно говоря лучше бы в карты играть, чем ссориться...

Глинкин. Четвертого нет!

Вбегают Дуня и Клавдия. Клавдия, видя мужа, сразу осеклась, что-то шепнула Дуне, Ефимов заметил это, надул щеки и смотрит на нее.

Дуня. Здагвствуйте, господа! Впгочем, я всех видела!

Ефимов (*ехидно*). От всенощной?

Дуня. В три тысячи метров! Я еще безгрешна, я мало молюсь...

Клавдия. Поля не пришла еще?

Ефимов. Ты ведь сказала — ко всенощной идешь, помнится?

Клавдия (*взяв с комода самовар, идя в кухню*). Это Дуня меня завела.

Глинкин. Вот теперь мы сыграем!

Кирик (*Дуне*). А Иванов с вами был?

Дуня. Конечно! Впрочем, — почему же конечно?

Глинкин (*грозя ей пальцем*). Ох, вы!

Дуня. Нет, это не я победила его! Не я!

Ефимов (*отхаркнувшись, идет в кухню, Глинкин, подмигнув, на цыпочках за ним*)^{96*}.

Дуня. ^{97*}Ой, попадет Клавдии! (*Кирику*.) Ну-с, что вы на меня так смотрите?

Кирик (*глухо*). Когда же вы ответите мне?

Дуня (*кокетливо*). Вы очень торопитесь, да? Вам хочется скорей?

Кирик (*тяжело и медленно*). Авдотья Ивановна, я человек серьезный...

Дуня. Ужасно серьезный! Да. И очень строгий. Вы праведник, да? Но если праведник, то нужно жить в пустыне...

Кирик. Послушайте...

Дуня. Ай, не смотрите на меня так страшно...

Кирик. Я прошу ответить мне.

Дуня. Разбогатеите!

Кирик. Ограбить кого-нибудь что ли?

Дуня. Об этом не говорят.

Кирик. Вы верите, что я вас люблю?

Дуня. Ах, боже мой, это все умеют! Даже мужики!

Кирик странно вытягивается, хочет что-то сказать, вошла Клавдия, он отходит в угол, стоит там неподвижно.

Клавдия (*злая, взволнована*). На дворе земский с Наташей, вы бы ушли, а то он не любит чужих в доме...

Дуня. Чужой — это я? О, я уйду...

Кирик. Я провожу вас...

Дуня. Да? Пожалуйста. Тебе попало, Клавдя?

Клавдия. Конечно! Язык твой...

Дуня. До свидания! (*Идет, Кирик за нею.*)

Клавдия стоит у шкафа с посудой, шевеля пальцами, задумавшись; тихо входит Полина, в темном, лицо у нее спокойно и решительно.

^{96*} остановился ^{97*} Итак, играем

А. М. ГОРЬКИЙ

Рисунок В. Дени (карандаш),
1920 г.

Музей Горького, Москва

К л а в д и я. Откуда это? Всенощная давно кончилась...

П о л и н а. Гуляла.

К л а в д и я. Ты? Новость!

П о л и н а. Иван Иванович дома?

К л а в д и я (*удивилась*). Как ты спрашиваешь, точно чужая! Я не видала его, я недавно пришла...

П о л и н а. Ты сердита?

К л а в д и я (*махнув рукой*). Муж! Уксус проклятый!

П о л и н а (*села на стул*). Жарко.

К л а в д и я. Фу, как тошно смотреть на тебя! Точно ты на зло всем такая...

П о л и н а (*тихо*). Мне, Клавдия, тяжело очень, грустно мне!

К л а в д и я. Всем невесело, а — веселятся!

П о л и н а. Ты думаешь — не улыбнулась бы я? Если б было... чему...

К л а в д и я. Кому, а не чему!

П о л и н а. Ах, как улыбнулась бы я всей душой — господи!

К л а в д и я (*передразнивает*). Господи! Ну, и улыбнись какому-нибудь хорошему, веселому человеку!

П о л и н а. Где он? И... разве, кроме этого, — ничего нет для нас?

К л а в д и я. Кроме — чего? Ничего нет для нас, кроме хорошего мужчины!

П о л и н а. В прятки играть, дрожать от страха?

К л а в д и я. И подрожки! В прятки! Скажите, какая! У меня, матушка, муж двухглазый, да — играю; а тебе, с кривым...

Наташа идет ^{98*} напевая, за нею — Кемской.

К е м с к о й. Да, этот дом давно требует ремонта... Чай — готов?

К л а в д и я. Сейчас.

^{98*} за нею

Н а т а ш а. Домик прозрачный. Ты что, Поля?

П о л и н а. Я? А что?

Н а т а ш а. Собралась идти или пришла?

П о л и н а (*как во сне*). Я пришла. Ах, да... (*Встала, уходит.*)

К е м с к о й. Шалая женщина. Ни ума, ни души — ничего! Раньше таких людей не было. Например — твоя мать. О! Это — огонь, шик, — то есть — не шик, — ерунда! — а, знаешь... ты очень похожа на нее...

Н а т а ш а. Маркиз, вы говорите мне это в тысяча первый раз... А вот зачем вы меня замуж выдали, — этого я не поняла.

К е м с к о й (*устало, недовольно*). Я же говорил, — ты стала дворянкой!

Н а т а ш а. Это очень украшает меня? Я как-то все не могу войти во вкус дворянства, уж так стараюсь, а... И это все?

К е м с к о й. Ну, знаешь, надо же выходить замуж!

Н а т а ш а. Эх, вы! Удивительный вы...

К е м с к о й (*хмуро улыбается*). Не удивительный, а так как-то, знаешь...

Н а т а ш а. Как? Не знаю!

К е м с к о й. Ну... Хотя я тоже не знаю, как...^{99*}

Вошла Полина и, точно гостя, села у окна.

Н а т а ш а (*подойдя к ней, тихо гладит ее волосы*). Что ж ты не соби-
раешь чай?

П о л и н а (*вскочив*). О, господи, — забыла...

К е м с к о й. Я тебе когда-нибудь скажу, как это все бывает...

Н а т а ш а. Что?

К е м с к о й (*делая*^{100*} *неопределенные жесты*). Вообще, в жизни... Вот я, например, любил одну женщину, а женился на другой.

Н а т а ш а. Зачем же?

К е м с к о й (*усмехаясь*). Да, вот — зачем, а? ^{101*} Об этом спраши-
ваешь себя, когда уже...^{102*} все сделано. И останешься один... (*Полине.*)
Не греми ты своими чашками!

П о л и н а. Извините.

Н а т а ш а. Я плохо понимаю вас, маркиз, вы — добрый человек, но — ей-богу, я не понимаю вас!

К е м с к о й (*усмехаясь, треплет бороду*). Всегда говорили, что я добрый, да...

Н а т а ш а. Вот и отец у меня тоже добрый, а жить с ним неловко, неудобно всем...

К е м с к о й (*странно, захлебываясь, смеется*). Ну да, отец у тебя именно такой — неудобный отец — это насмерть смешно! Это убийствен-
но...

Н а т а ш а. Что это вас так рассмешило?

К е м с к о й. Ты... ты не можешь понять... как это метко... (*Зады-
хается. — Полине.*) Дай воды!

Н а т а ш а. Как вы кричите на нее, нехорошо.

К е м с к о й (*у него слезы на глазах*). Мне душно! (*Раздражается.*) За-
чем делаете чай здесь? Я прошу — на террасу! Здесь пахнет этим... по-
стояльцем, швейными машинами, глупостью...

Н а т а ш а. Шш — не буяньте! Все будет сделано как нужно! Ну,
идемте на террасу. Поля, я сейчас вернусь, помогу тебе...

Полина, не торопясь, составляет чашки на поднос, руки у нее трясутся.

^{99*} Вообще — все не так выходило... ^{100*} какие-то ^{101*} Это ^{102*} уже

К л а в д и я (*вбегает*). Поля, ты подашь самовар? Он скоро. Мы ^{103*} садимся в карты играть. (*Тихонько.*) Мой пришел...

П о л и н а. Где же Иван Иванович?

К л а в д и я. В саду, с Кириком. А мы — в карты: Глинкин, муж, я и мой, — все-таки хоть ножкой под столом дотронуся до него, и то радость. Эх, милая, бери-ка ты с меня пример, — думай меньше, в старости все додумаешь! (*Поцеловав ее, убежала. Полина проводит рукою по лицу, как бы стирая поцелуй.*)

Н а т а ш а (*входит, медленно*). Задремало мое дитятко...

П о л и н а. Любишь ты его... (*Вздыхает.*)

Н а т а ш а. Да. Хотя — за что бы? Конечно, он меня балует... но ведь этим не проживешь, а? Он обещает устроить меня в театр... не верится, что он может это... Странное у меня положение — какая-то замужняя девица, без определенных занятий, — смешно! Он все хочет сказать мне что-то. Поля, — а не кажется тебе, что я вообще — лишняя?

П о л и н а (*задумчиво*). Теперь, когда ты сказала... (*Махнув рукою.*) Я сама — лишняя!

Н а т а ш а. Я вот все стараюсь рассмешить себя, — скучно мне очень! Веселюсь, веселюсь... а я, может быть, вовсе не веселая! (*Другим тоном.*) Тебе нравится этот Сожителей?

П о л и н а (*резко*). Нет!

Н а т а ш а (*удивилась*). Что это как ты?

П о л и н а (*тише*). Нет...

Н а т а ш а. Меня он интригует. Он похож на американского актера из синематографа, — в нем есть что-то эдакое (*щелкает пальцами*) — в хорошем роде! Сильное. Только вот — фамилия — Сожителей? Тут нечто распутное... (*Обнимает Полину.*) Так — не нравится он тебе?..

П о л и н а (*тихо*). Нет, Наташа, право — нет!

Н а т а ш а. Тебе никто не нравится. Это оттого, что ты сама себе не нравишься... Эх ты! (*Отошла.*) Впрочем, я себе тоже не правлюсь. Я сегодня печальна, как гитара... мне плакать хочется! (*Вынула платок.*) Не всегда весело жить шутя. Вот идет Агафья на свой чердак.

К и р и к (*показывая золотую монету*). Выиграл у вашего мужа...

Н а т а ш а. Вот и у вас случай подразнить меня! Ну, дразните...

К и р и к (*проходя на лестницу*). Не желаю...

Н а т а ш а. От вас ничего не дождешься...

К и р и к. Ну, это еще увидим!

Н а т а ш а. Ох! Как многозначительно... Что бы такое сделать, Поля? Разве пококетничать с этим Со-жителевым? Посоветуй...

П о л и н а (*тихо*). Наташа, мне сейчас... я тоже не знаю, что мне делать?

Н а т а ш а. Это меня не удивляет, сказал негр, отведав дегтя. Вот, кашляет мой старик. Дай-ка мне поднос! И неси самовар.

Ушли в разные стороны. Через несколько секунд вошел Яковлев, руки назад, ухмыляется, мурлычет, ходит. Остановился среди комнаты и грозит пальцем, шипит.

Я к о в л е в. Я-а тебя, погоди-и...

П о л и н а (*с самоваром*). Иван Иванович, не уходи, мне с тобой говорить надо...

Я к о в л е в. Куда самовар?

П о л и н а. На террасу.

Я к о в л е в. Старый чёрт... Издыхать пора, а он... чай пьет...

Входит Полина, нервно отирая руки передником, пристально смотрит на мужа.

Ну чего? Скорей! *(Вынул часы, соображает.)* Ну?

Полина. Ты — сядь.

Яковлев. Чего это?

Полина. Сядь. Судьей будешь!

Яковлев *(усмехаясь)*. Ну, вот, сел! Эх, баба, — приснилось мне что-то! Весело... отчаянно мне! *(Смеется тихонько.)* Да-а... Ты — насчет обеда, что ли?

Полина *(голос у нее вздрагивает)*. Слушай ты — добрый человек, ты мне богоданный муж, ты грех мой прикрыл... отвечаешь за меня...

Яковлев *(удивлен)*. Погоди, — это к чему все?

Полина. Не мешай мне, послушай, — я хочу говорить с тобой честно, всем сердцем, как дочь, как твой человек...

Яковлев *(беспокойно)*. Не болтай, — ну?

Полина *(тише)*. Этот... нахлебник... во флигеле — он по меня пришел, он ведь за мной больше месяца ходил...

Яковлев. Стой — Сожителей?

Полина. Он меня во грех с ним ввести хочет, чтобы новые муки мне...

Яковлев *(подскочил, растерялся, бормочет)*. Вре-ешь ты! Что выдумала, дура? Ты — с ума сошла?

Полина *(тихо, горячо)*. Он меня за сердце взял, он житья мне не дает! Слушай, — я тебе в ноги поклонюсь — помоги, сохрани! Я ли не пряталась от всего, я жила — сама себя не видела, как снегом засыпана, как во сне, в тюрьме, в темноте души моей жила, в горе моем женском... он ходит за мной, будит мысли во мне — я боюсь! Он меня нашел... он видит, жаром дышит он на меня — не могу, не могу видеть его!

Яковлев *(вставая)*. Влюбилась, дрянь проклятая? Ах, чёрт тебя... как же это? Стой, подожди!

Полина *(искренно, с великой силой)*. Не влюбилась я — что ты! Не хочу я ничего! Пойми же, — скажи ему — ушел бы он, ушел бы прочь! Пусти меня на богомолье — только бы не видеть его, не мучил бы он меня, души моей. Я — не собака... а вы все... и тот, первое горе мое, тоже, как собаку, меня взял... добрый человек, ты один у меня — помоги!

Яковлев *(шипит)*. Нет, ты — сука! Никто не пойдет за бабой, коли она не хочет, не манит за собой! Ах ты, дьявол тихий... Да ты помнишь — кто ты? Помнишь — откуда я тебя достал, а?

Полина *(почти с ужасом)*. Что ты? Ты не то говоришь, не то, — ты ему скажи! Ты должен защитить меня от всего, мы венчаны на сердечную жизнь, навсегда! Бог...

Яковлев. Не тронь бога, свинья! Ты, как свинья, дитя свое сожрала!

Полина. Что ты делаешь? Ведь ты меня в грязь бросаешь, — что ты? Ты меня — в могилу! Что ты вспомнил и когда? Я тебе душу открыла...

Яковлев *(тихо, яростно)*. Плюю в душу тебе! *(Хочет встать — не может.)* Что же это будет? Господи помилуй...

Полина. Пожалей меня и тебя господь помилует...

Яковлев *(в отчаянии)*. Молчи! Что я буду делать? Ну — клещи! Тиски... а-а, вот как? *(Задумался. Полина стоит камнем, ждет.)*

Наташа *(входит)*. Портсигара не выдали тут? *(Молчание.)* Сегодня ^{104*} ты ругаешь ее молча? *(Идет на лестницу. Полина делает движение.)*

Яковлев. Стой! Куда? Вот что я тебе скажу. *(Смотрит на часы.)* Погоди...

^{104*} вы ссоритесь

Полина (*тихо, с тоской*). Ты — самый близкий мне, — помоги чем-нибудь! Я не хочу греха, не хочу! Кто поможет мне, если не ты? Ведь я одна, меня горе мое туда загнало — где уж ничего нет, ничего — только я одна ^{105*}, одна я и горе мое ^{106*} черной тучей вокруг! У меня сердце перегорело...

Яковлев. Молчи!

Наташа (*идет с лестницы, играя портсигаром*). Кажется — шептать начали?

Яковлев. Иди, иди! Я тут... заказываю ей на завтра...

Наташа. А Кирик — сам с собою разговаривает, — вот общительный человек, право!

Яковлев. Ступай, я говорю...

Наташа (*уходя*). Вздрыгнув от ужаса, она исчезла, как тень...

Яковлев (*угрюмо*). Вот что: у тебя должна быть своя совесть... и разум, да!.. Поняла?.. Поняла, спрашиваю?

Полина. Совесть у меня есть. Разума — нет.

Яковлев. Врешь. Ты — хитрая! Я тебя раскусил: ты свой грех на меня сложить хочешь! Ну, нет! Нет, ты сама носи его...

Полина (*подавленно*). Не знаешь ты меня...

Яковлев. Цыц! Вот тебе ответ мой: делай, как знаешь, за свою совесть! Ну, а если я замечу что-нибудь — не кайся потом, не жалуйся! Шуму, скандалу — чтобы ничуть!

Полина. Я же не могу...

Яковлев. Цыц! От мужичины всегда можно оградить себя, коли ты честная... Можно! Ты его отстраняй тихонько, ласковым словом! Ну — гляди! Если он уйдет, да... Будь вы прокляты! Ты — придерживай его, он мне нужен, — поняла? Я тебе после другое скажу, а сейчас, — чтобы ничего не было! ничего, — понимаешь! Мне нужен он. Чтобы — ни-ни! Никто ничего не видал, не замечал. А с тобой я — после... Смотри у меня: близко большой беды ходишь! Ну, поняла?

Полина. Поняла. Прости тебя господь...

Яковлев (*глядя на часы*). Я уйду на час в трактир... то есть — это все равно, куда...

Полина. Прости тебя господь, а я не сумею...

Яковлев (*замахиваясь*). Что-о? Я тебе... покажу... Вернусь, — я еще поговорю с тобой...

Полина (*тихо*). Не надо.

Яковлев. Я знаю, что надо и как надо... (*Ушел.*)

Полина (*оставшись одна, идет к окну, слепо, качаясь, шаркая ногами, подошла — отскочила*). Ох... (*Выпрямилась вся, страшно оглядывается, задыхаясь бормочет.*) Ах, зверье... вот как?

Сожителев (*входит, бледный, сурово усмехаясь, ^{107*} идет прямо на Полину*). Ну, вот что! Я знал, что вы с ним начнете этот разговор, я следил, ждал. Ну — что? Если б это ночью было в спальне у вас — я и то знал бы! Я ночи-то на лестнице сидел под окном... От меня не уйдешь. Идите-ко со мной в сад...

Полина (*разводит руки, глухо, злобно*). На, бери! Сторговал? Купил? Бери!

Сожителев (*дотронулся до нее*). Послушайте...

Полина. Прочь поганые руки! Бери, зверь, купил и — бери!

Сожителев (*смутясь, отступая, строго*). Тише!

Полина. Бери здесь! Ну? О, подлецы...

^{105*} Я ^{106*} как и огонь ^{107*} огля ^{<дываясь>}

С о ж и т е л е в (*тихо, искренно*). Взгляните в глаза мне... Посмотрите, — не тот я, что ходил за вами волком...

П о л и н а (*хочет идти*). Уйди ты прочь...

С о ж и т е л е в (*загораживая дорогу ей*). Я говорю с вами так же, как вы с мужем говорили.

П о л и н а. Ну, а я говорю, — бери, посмей!

С о ж и т е л е в. Такую мне вас не надо. Я знаю — вы человек честный, чистый, вы на великом огне горели, я это понял уж, поверьте мне!

П о л и н а (*смотрит на него недоверчиво и гневно, постепенно смягчаясь*). Что вам нужно от меня?

С о ж и т е л е в (*беспомощно развел руками*). Боюсь сказать теперь, сразу, — боюсь — не поверите вы большим моим словам! Если б вы успокоились немножко! Пойдемте со мной в сад, богом прошу вас!

П о л и н а. Не уйду отсюда! За сколько купили меня?

С о ж и т е л е в (*усмехаясь*). Эх, вы... Ни слова не говорил я с ним про вас! Эх вас затравили... ну, мастера же! Слушайте...

П о л и н а (*строго*). Вы — хороший человек, честный?

С о ж и т е л е в (*не сразу, но — твердо*). Нет.

П о л и н а (*удивилась, вздохнула*). Вы это... серьезно про себя скажали?

С о ж и т е л е в. Серьезно.

П о л и н а (*тихо*). Нехороший, нечестный, разве скажет так?

С о ж и т е л е в. Не знаю.

П о л и н а. Уйдите, оставьте меня, — не нужно ничего!

С о ж и т е л е в (*тепло*). Я не уйду, не оставлю. Вы мне сердечно нужны. Вы мне так же нужны, как вам нужен... какой-то близкий человек...

П о л и н а (*тихо*). Не верю я вам. Не могу.

С о ж и т е л е в. Поверьте. Ведь хочется верить кому-нибудь...

П о л и н а. Вы этого не знаете...

С о ж и т е л е в. Знаю.^{108*}

С лестницы тихо сходит Кирик, увидел их — хочет вернуться, но — остался, присел в темноте на ступени. Одет в пальто, в котелке.

П о л и н а. Неужели вы... по совести ко мне?

С о ж и т е л е в. Да. Я с чистой душой...

П о л и н а. А я — грешница. (*Тихо*.) Я со страха, со стыда... ребенка убила... я не хотела, — это говорят, что я убила, а я — не помню! Я не помню... не убивала я! Они все говорят — убила...

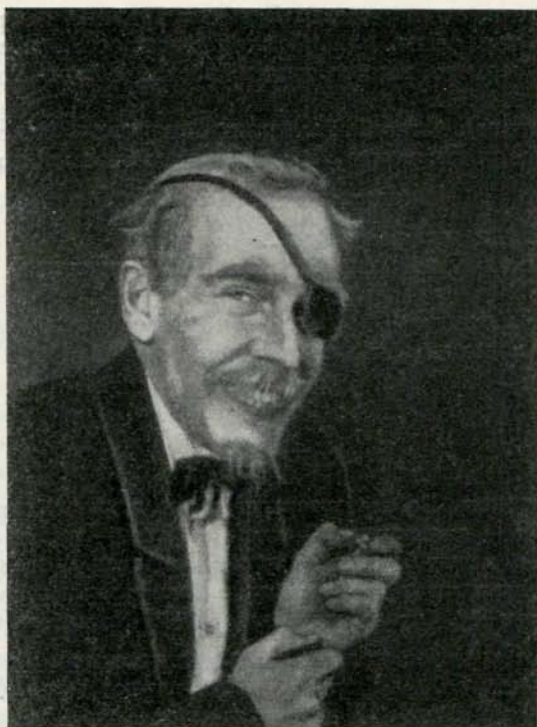
С о ж и т е л е в (*строго*). Об этом — не нужно... Я знаю все. Мне Бобиха рассказывала.

П о л и н а (*тихо, горячо*). Меня судили, суд оправдал, а люди — не поверили, не верят... все говорят — убила! И я сама не знаю — так это или нет? Есть на мне грех — в душе-то моей — есть? Или это на меня снаружи положено и задавили, задавили меня!

С о ж и т е л е в (*грубовато*). Все это — не нужно мне. Мне — чистота твоя нужна. Я люблю тебя. Это верно — я волком ходил за тобой, я видел, как ты молишься, и подумал — эта женщина — мне! Я думал, ты... так, просто... как все... уж ты меня извини!

П о л и н а (*тихонько*). Неужели правду вы говорите? А ведь вы пришли ко мне, как хозяин к собаке... Ведь вы — таким победителем, так обидно, так горько говорили со мной на улице!

^{108*} Давайте же поговорим

«ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА»

Ленинградское центральное театральное училище, 1937 г.

Яковлев — Е. И. Душутин

Фотография

Всероссийское театральное общество, Москва

С о ж и т е л е в (*угрюмо*).^{109*} Победитель — кто не любит, а полюбил, так уж побежденный...

П о л и н а (*как во сне*). Господи, как это страшно и хорошо у вас! Как бы я хотела поверить вам... Неужели вы можете обмануть? Что же тогда будет? Уйдите...

С о ж и т е л е в. Тихе, идут...

Наташа и Кемской.

Н а т а ш а. А, это г. Служителей! Мир беседе! Тоже что-нибудь на счет обеда, Поля?

К е м с к о й (*ворчит*). Всегда кто-то есть. И тут — кто тут?

К и р и к. Я.

П о л и н а. Ой...

С о ж и т е л е в (*дотрагивается до ее руки*).

К е м с к о й. Почему же — на лестнице? Это только кошки сидят на лестницах.

Н а т а ш а. Не надо ворчать.

Кирик надел котелок, идет в кухню.

С о ж и т е л е в. Мне с вами нужно поговорить.

К и р и к (*раздумчиво остановился*). Ну, говорите.

С о ж и т е л е в. Идите, я вас догоню...

^{109*} Пока не любишь

К и р и к (*пошел, остановился*). Вот что, Полина Петровна... конечно, я все слышал. Хотел уйти, да... боялся помешать... и схватило меня за сердце все это... Так что, вы не беспокойтесь... У меня тоже в сердце кое-что горит... Вот и всё...

П о л и н а (*тихо*). Спасибо, Кирик Федорович, спасибо...

К и р и к (*уходя*). Не за что. Это у вас надо бы всем прощения просить.

Сожителев идет за ним ^{110*}

П о л и н а. Куда вы? Не надо...

С о ж и т е л е в. Я не верю людям. Вы не уходите, пожалуйста. Не думайте худо...

П о л и н а. Не стану. (*Опустилась на стул, изумленно смотрит перед собою, шепчет.*) Господи... помоги поверить!

III

КАРТИНА 1-я

В саду, под окнами дома, Бобиха уставляет столы, стулья. Мутный, душный вечер августа; ^{111*} Наташа — именинница. С левой стороны — ветхое крыльцо флигеля, где живет Сожителев, между флигелем и домом — проход. В правую сторону уходят стволы лип, между ними виден угол террасы с обломанными перилами. Все — старо, полуразрушено ^{112*}. Справа идут Яковлев ^{113*}, Иванов с ^{114*} портфелем.

Я к о в л е в. Вы через малое время и приходите.

И в а н о в. Спасибо! А Кемской-то не турнет меня...

Я к о в л е в (*вспыхнул*). Позвольте — как же это? Вас пригласил отец именинницы — причем же тут ^{115*} Кемской? Впрочем — как угодно-с...

На крыльце флигеля — Кирик.

И в а н о в (*усмехаясь*). Вы не гневайтесь. Я — лицо подчиненное...

Я к о в л е в (*смягченно*). Приходите, да и все тут! Кемской... я ему не слуга, а — кум. Довольно уж подчинялись...

И в а н о в (*вздыхнув*). Мне еще долго...

Я к о в л е в. Дуня будет, конечно... (*Подмигнул.*)

И в а н о в. Очень рад. Я приду, спасибо!

Я к о в л е в. Балалайку тащите. Как у вас дела-то?

И в а н о в. Какие, собственно?

Я к о в л е в. В зятъя Першину скоро? ^{116*}

Кирика передернуло, скрылся в двери.

И в а н о в. Всякому хочется хорошенького, да как потеплее...

Я к о в л е в. Даже и столь жарким летом, а?

И в а н о в. Живем для зимы. До свидания!

Яковлев стоит задумавшись, он вообще очень обеспокоен, задумывается часто, тяжело.

Б о б и х а (*негромко*). Иван Иванович, — слушки пошли...

Я к о в л е в. Что? Какие?

Б о б и х а. А на счет желтенького глазка...

Я к о в л е в (*хмуро*). Знаю...

Б о б и х а. Гляди, как бы этот молодец...

Кирик снова вышел.

^{110*} Полина ^{111*} 26 ^{112*} На ступенях крыльца флигеля сидит Кирик в котелке сдвинутом на затылок, задумчив ^{113*} и ^{114*} разное ^{115*} старик ^{116*} И в а н о в (*усмехаясь*). Н-не знаю еще... Я к о в л е в. Соседи будем.

Яковлев. А ты молчи знай... Я тебя не глупее.

Бобиха. Кто говорит? Али глупее меня можно быть...

Яковлев. Ну, то-то... *(Кирику.)* Сожителей дома?

Кирик. Лежит. На что это вы Иванова пригласили...

Яковлев. Мое дело. *(Подумав.)* У него — балалайка... *(Хотел войти во флигель, остановился.)*

Кирик *(угрюмо)*. Что ж он — сватается к Першиной?

Яковлев. Ну, конечно... А ты останешься с носом... *(Идет в проулок.)*

Кирик. А Клавдия видит его дела?

Бобиха. Как, чай, не видеть...

Кирик. Что ж она?

Бобиха. А что? Иной раз и видишь, да понять не хочешь... Бывает...

Кирик сел на ступени крыльца. Идут Полина, Наташа. Полина в светлых цветах; она — поверила и вся сияет ласково, напряженно желает передать всем свое настроение — доброе, крепкое. Спустя некоторое время — Клавдия с грудой салфеток.

Бобиха *(искренно любуясь)*. Ой, Полина Петровна, эко ты оделась как хорошо — не игристо, не богато, а будто роскошно! *(Спохватясь, Наташе.)* А уж ты, Наташенька, ты уж прямо — голубица белая и ангел!

Наташа *(декламирует)*. Рабыня, — ты мне льстишь, — я это знаю, но — мне приятна лесть твоя, рабыня!

Полина *(Кирику)*. Вы что хмурый...

Кирик. Всегда такой.

Полина. Ну, для именинницы ^{117*} можно...

Кирик *(перебивает)*. Это у вас именины-то...

Сожителей сзади Кирика, сосредоточен.

Полина *(тихо, ласково)*. Знаете что: не одевайтесь франтом таким, оденьтесь проще, это вам красивее...

Кирик *(усмехаясь)*. А вам это зачем, чтоб я красивей был?

Полина. Ах, голубчик, это всем хорошо, всем надо. Вы не подумайте чего, это я от души сказала. Мне так хочется что-то нежное, хорошее всем говорить, так бы я всех обняла, успокоила. Мне для всех хочется нянькой быть, матерью...

Кирик *(задумчиво)*. Прошел дождь в засуху и расцвела земля. Великое дело ласка!

Наташа *(шутливо удивляясь)*. И это говорит ваша мрачность?

Кирик. ^{118*} Что же? И я в душе не урод. Приятно видеть, как в человеке сердце растет...

Наташа. Подождите, и вас приласкают.

Кирик. Долго ждать — не стану...

Клавдия *(идя мимо — Полине)*. Пригодились советишки-то мои? Хороши?

Полина *(улыбаясь)*. Нет, Клава, негодились, не то, милая...

Клавдия. Ладно, знаем мы...

Сожителей *(выдвигаясь)*. А вы, Полина Петровна, все поете?

Полина. Уж я теперь до конца жизни...

Сожителей. Не сорвался бы голос...

Наташа *(кокетничая)*. Это вас Кирик заразил мрачными мыслями?

Сожителей. Я сам хорошо питаю их...

Наташа. А чем?

Кирик. Сердцем, конечно...

^{117*} надо ^{118*} Сожит <елев>

Н а т а ш а (*Сожителю*). Сердцем, да?

С о ж и т е л е в. Да.

Н а т а ш а. Ах, вы — сердечные! А у меня вот нет сердца!

С о ж и т е л е в. Прячете.

К и р и к. Погодите, оно вас встряхнет!

Н а т а ш а. Ой, страшно!

Б о б и х а (*Полине*). Вино-то сейчас что ли нести?

Н а т а ш а (*с гримасой*). Снова пить и есть?

П о л и н а (*отходя с Бобихой*). Василий Захарович велел подать сласти и вино.

Н а т а ш а. Он где?

К и р и к. В саду.

Н а т а ш а. Один... ах, старичок мой!

Г л и н к и н (*из-за угла, измятый, со сна*). Что готовится?

Н а т а ш а. О, юноша, как ты прекрасен!

Г л и н к и н. Не... этого... не паясничай. (*Вставил монокль на широкой ленте.*) Жена дворянина должна держаться с достоинством... э...

Н а т а ш а. Не умею, виконт! (*Идет в сад.*)

Г л и н к и н (*глядя на стол*). Надо уметь...

С о ж и т е л е в (*спокойно*). Теперь моноклей не носят.

Г л и н к и н. Что-с?

С о ж и т е л е в. Не носят теперь моноклей.

Г л и н к и н. Предоставьте мне знать эти вещи, а?

С о ж и т е л е в. Пожалуйста.

Г л и н к и н (*идя за женой*). Должен сказать, что я вас плохо вижу...

С о ж и т е л е в. Зрение скверное?

Г л и н к и н. Желания нет смотреть...

С о ж и т е л е в. Экая нелепая фигура!

К и р и к.^{119*} Много их. Хозяин что-то ласков очень с Ивановым.

С о ж и т е л е в (*рассеянно*). Да?

К и р и к. А вас он не любит...

С о ж и т е л е в (*не сразу*). Вы что же думаете?

К и р и к. Ничего. Он... он ведь добряк, в существе своем...

С о ж и т е л е в. Он не опасен мне...

Из проулка идет Ефимов. Дуня нарядная.

^{120*} Е ф и м о в. А не приспособленное наше мещанское сословие творит греха больше других...

Д у н я. Вы — верно сосчитали? Здравствуйте! Кажется я — рано?

С о ж и т е л е в (*кланяясь*). Не знаю.

К и р и к. Почему — рано? Вон — стол уже готов.

Д у н я. Разве я есть пришла? Фи!

Сожителев достал из кармана трубку, скрылся в дверях. Ефимов сел, вынул книжку, карандаш, что-то считает.

К и р и к. А — знаете, я скоро наследство получу...

Д у н я (*с большим интересом*). Шутите? Вы ведь говорили, что безродный?

К и р и к. Нашелся родственник...

Д у н я. Нет, вы — серьезно?

К и р и к. Поверьте. Ну, как же вы теперь?

Д у н я. Что — как же?

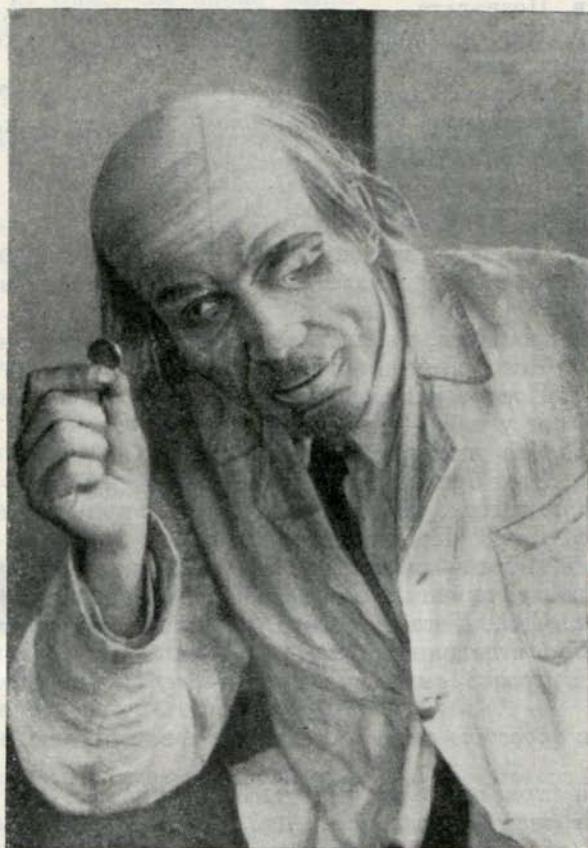
К и р и к. Вы же знаете?

^{119*} Теперь ^{120*} Дуня

Д у н я (*усмехаясь*). Ведь вы меня мучить будете, а? Му-учитель вы, должно быть!

К и р и к. Говорят, любовь — мученье...

Д у н я (*с гримаской*). Это когда глупо говорят. Любовь просто — радость, веселье, вообще — жизнь! Если муж не ревнив, конечно!

ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА ПЬЕСЫ «ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА»

Харьковский русский рабоче-колхозный театр им. Горького. 1937 г.

Яковлев — Г. Сунгуров

Фотография

Всероссийское театральное общество, Москва

К и р и к. Я — ревнив.

Д у н я. О это очень плохо будет для вас!

К и р и к. Для меня? А для жены...

Д у н я. Ну, конечно, и для нее...

К и р и к. Откуда вы все это знаете?

Д у н я. Я же ведь не дурочка, я вижу... Ах, идет этот, — бука! Домовой!

Все прячутся, кроме Ефимова. Из сада — Кемской, Глинкин; из проулка Яковлев несет два стула.

К е м с к о й (*приглядываясь к Ефимову*). Да... кажется, тут уже все избранное общество, а?

Яковлев (*вызывающе*). Еще окологородный придет.

Кемской. Да? А трубочиста — нет?

Глинкин. Чёрт знает что!

Кемской (*берет Яковлева двумя пальцами за рукав, отводит в сторону. Глинкин подходит к Ефимову, тот прячет книжку, говорит тихо*). Слушай, братец, что... ты назвал тут этих разных...

Яковлев. Позвольте...

Кемской. Нет, я говорю... Я хотел семейно и тихо все это... ты должен был узнать, как это я хочу...

Яковлев (*положив руку на грудь*). Наташа — кто?

Кемской (*брезгливо выпуская рукав*). То есть — как это — кто?

Яковлев. Она моя дочь?

Кемской (*чуть-чуть смутясь*). Да, ну и что же!

Яковлев. А — вот это самое! Моя!

У стола собираются: Наташа, Глинкин, Ефимов, Клавдия, Дуня, Кирик, становится шумно. Сожителей, стоя на крыльце, курит, не слушая разговор, задумчив.

Кемской (*отходит, поднимая плечи*). Ты, братец, кажется выпил...

Яковлев. Чего выпил? Яду-с!

Кемской. Послушай, наконец, что такое? Ты же человек добрый, я тоже... ну? И вот у тебя — нехорошо...

Яковлев. Что именно-с?

Кемской. Этот бритый смотрит на твою жену, она — тоже. А Наташа молода и неопытна, это ей очень дурной пример, ты понимаешь?

Яковлев. Да-с? Продолжайте-с...

Кемской. И вот, — ты добрый, а своей семьи устроить не можешь, с тобой всем тяжело, скучно... это даже Наташа говорит.

Яковлев. Сама Наташа? (*Тихо*). А если я вас, куманек, к чертям пошлю? К самым отдаленным, а?

Кемской (*грозно выпрямился, но — беспомощен и жалок*). Свинья ты, братец...

Яковлев (*яростно шипит*). Свинья, а вам братец, а? Как же это, а? Хе-хе?

Кемской (*прислонясь к дереву*). Поди прочь...

Яковлев (*победно отходя*). Ага? То-то-с...

Наташа (*за столом*). Ну, кто же первый...

Кирик. Кто предложил.

Дуня. Ах, нет, я не могу! Мои желания это такая тайна...

Наташа. Ну, тогда я первая скажу! Итак: чего я хочу? Я хочу, чтоб меня все любили...

Глинкин. Позволь — как это?

Наташа. А как любят? Я не знаю...

Глинкин. Странно! Замужняя женщина...

Наташа. Ой, как ты хорошо понял...

Дуня (*кокетливо*). Ах, какой вы — фи!

Глинкин. Но — тогда: за что же любить?

Наташа. А так просто, ни за что — нельзя? Нельзя? (*Встала, идет* ^{121*} прочь).

Яковлев. Эх, дворянство-о!

Глинкин. Я не понял... Наталья — пардон... Не расстраивай компаний...

Полина и Бобиха принесли вино.

^{121*} к Кемскому

Полина. Что такое?

Кирик. А вот Авдотья Ивановна...

Дуня. Евдокия...

Кирик. Предложила сказать, кто чего хочет.

Глинкин (*морщась*). А я не понял! Э, пустяки...

Наташа. Как тебе не стыдно...

Глинкин. Как, — не знаю, как!..

Кирик. Ну, ^{122*} кто же чего хочет?

Глинкин (*встал*). ^{123*} Я, например, хочу — э... чтобы наша родина...

Кемской (*идет к столу*). Что такое?

Наташа (*за ним*). Папашка, вы чего хотите? Сразу! Ну?

Кемской. Я? Да. Чего же хотят в 62 года? Спать хотят. Но — не могут спать.

Наташа. Ну-у, это грустно!.. Какие же именины, когда всем грустно? Чего вы хотите? ^{124*}

Кирик. Иметь сто тысяч...

Бобиха. Ой, много! Ой, милый, велико дело! Куда тебе?

Кирик. А я бы за тысячу девицу себе взял, а 99 сжег на ее глазах.

Дуня. Фи, какая комическая мечта!

Клавдия. Это злая мечта! Вы всегда думаете злое.

Кирик. Почти всегда.

Клавдия. А что хорошего в этом?

Кирик. Правда хороша.

Наташа. Оставьте же философию!

Бобиха. А я вот одного хочу: сынишечко у меня в Киев на автомобилях ездит, так нашел бы он жену себе, бабочку умную да честную...

Ефимов. Не всякий понимает, чего ему надо. иному — даже многим — приказать надо: вот чего желай, а иного — не смей, не моги!

Глинкин. Это очень глупая игра...

Кирик. Однако вы первый начали ее...

Наташа. Перестаньте! Поля — чего хочешь?

Дуня. Ах, вот это интересно...

Сожителей подходит, покуривая. Яковлев тоже подвигается ближе к жене.

Кемской. Ну, чего там...

Наташа. Поля, говори сразу!

Полина (*вся как-то взвилась, но говорит тихо, проникновенно*). Хотела бы я... Хочется мне ^{125*}, чтобы все люди друг другу верили...

Ефимов. Мошенники очень выиграют от этого.

Наташа. Шш!

Полина. Чтобы все поняли, что в каждом есть доброе, в каждом есть свое хорошее ^{126*}, нераспустившийся цветок в душе каждого есть ^{127*}, и вот — расцвести бы этим цветам души! (*задохнулась, сконфузилась*).

Ее слова всех заинтересовали, Наташа, Клавдия, Бобиха — тропуты. Сожителей нахмурился, отошел, заметно преодолевая волнение.

Яковлев (*бормочет, усмехаясь*). Ишь ведь как сказала...

Сожителей. Понравилось?

Яковлев. Не велик труд слова говорить.

Сожителей. Велик — выдумать...

Яковлев. Н-ну...

Кирик. Нет, хозяйка, это до людей не дойдет...

^{122*} как же ^{123*} *Исправлено, было:* встает ^{124*} Агафья? ^{125*} встать высоко и сказать так, чтоб все услышали: милые мои люди, дорог(ие) ^{126*} какое-то не рожден ^{127*} и ах, кабы мы помогали друг другу найти его

Н а т а ш а. Вот ^{128*} полиция пришла!

И в а н о в ^{129*} (с цветами). Имею честь...

Н а т а ш а. И так далее, — все известно, все! Балалайку принесли?

И в а н о в. В прихожей оставил...

Н а т а ш а. Дуня, а — твоя?

Д у н я. Я сейчас сбегая... (Бежит.)

Сожителев сидит на крыльце, опустья голову; Яковлев шепчется с Бобихой, Ефимов наблюдает за ними.

Н а т а ш а. Сейчас начнем веселиться! Господа, господа, мне сегодня двадцать лет!

К е м с к о й. Через 42 ты будешь ^{130*} ровесницей моей...

Н а т а ш а. Папашка начал шутить и — смешно ведь вышло!

К е м с к о й. Нет, не очень. И вообще это... Я прошу извинить меня, я пойду посижу на террасе... ты, Наташа, скажи мне когда... впрочем, я сам.

Н а т а ш а (проводя). Что — сказать? Что я сам?

К л а в д и я. Ух, ушел! Экий неудобный.

Г л и н к и н. Выпьем и — в картишки?

И в а н о в. Как угодно.

П о л и н а (смотрит на всех просительно, почти умоляюще. Подходит к мужу). Что же ты? Точно и не хозяин!

Я к о в л е в. А как знать, кто здесь хозяин?

П о л и н а. Иди к столу-то... (Сожителеву.) А вы что же, Петр Васильевич?

С о ж и т е л е в. Зря мечете бисер души вашей...

П о л и н а. Ой, мне своей души не жалко, мне людей жалко! Мне теперь так всех жалко, так скорбно за всех, кто себя не видит — точно я пред всеми виновата в чем-то... Даже тоскливо...

С о ж и т е л е в. Тут и медведь затоскует...

П о л и н а. Нет, у меня не эта тоска, а другая... Ту, старую, вы, дай вам бог счастья, убили на смерть!

С о ж и т е л е в (тихо). Счастье мне бог не даст... коли он вам не велит дать его мне...

П о л и н а. Об этом — не надо, голубчик! Я — не могу. Благодарят — душой, и душою я — ваша.

С о ж и т е л е в (хмуро, с досадой). Ну, о душе-то погодите.

П о л и н а. Душою я — ваша. Идите-ка к людям-то. Я сейчас вина принесу еще. Идем, Бобиха. Как ты хорошо про сына сказала!

Б о б и х а. Милая, трудно ли про свое дитё хорошо сказать! Ах ты, милая...

Е ф и м о в. А я нахожу, что русский человек плох.

Г л и н к и н. Почему же? Странно...

Е ф и м о в. Такое мое мнение.

Г л и н к и н. Но — вы русский?

Е ф и м о в. ^{131*} Я? Я — один, это ничего не доказывает.

И в а н о в. А по-моему, — русский человек самый интересный! У нас даже и жулики просто прелесть какие, право!

Н а т а ш а. Да оставьте же вы все это! И как неудобно здесь! Идемте в комнаты и — танцевать!

С о ж и т е л е в. Идемте, господа, а то какие же тут танцы?

К и р и к. Я — не умею.

Е ф и м о в. А я только кадсель.

Н а т а ш а. О, господи... ^{132*} Вот люди!

^{128*} музыка ^{129*} с балал (айкой) ^{130*} мне ^{131*} И не хорош, я очень ^{132*} Да и

А. М. ГОРЬКИЙ

Рисунок В. Дени (карандаш), 1920 г.

Музей Горького, Москва

К и р и к (*идя*). Разве вы впервые видите нас...

Н а т а ш а. Раньше, право, не замечала, что все такие скучные, как бочки, неуклюжие, точно старая мебель...

Г л и н к и н (*напевает*). Шумел, горел пожар московский...

Остались Иванов, Дуня, настраивают балалайки.

Д у н я (*тихо*). Знаешь, Кирик сегодня сказал, что скоро разбогатеет

И в а н о в (*быстро*). Ну? Как?

Д у н я. Наследство...

И в а н о в. Врет. Собраны справки — нет никого у него.

Д у н я. Это подтверждает?

И в а н о в. Гм? Я думаю...

Д у н я. Видишь, какая я удобная...

И в а н о в. Поцеловать.

Д у н я (*оглянувшись*). Потом... Тут — видно.

Ефимов в окне.

И в а н о в. Тс!

К е м с к о й (*идет*). Гм...

Иванов вскочил.

К е м с к о й. Пожалуйста... не надо это... (*Приостановился*.) Вы, барышня, тоже играете на этом?

Д у н я. Да... да-с...

К е м с к о й. Очень идет вам.

Д у н я (*вслед*). Благодарю вас. Фу, какой противный.

Е ф и м о в (*вышел*). Что?

Иванов. Идите, Евдокия Ивановна, я сейчас. Слушай, — гляди в оба! После танцев — картеж заведи и — нет ли у Кирика еще золотых?

Ефимов. Я знаю...

Иванов (*убегая*). Эх, если это верно...

Ефимов, оглядываясь, идет к флигелю, из-за угла — Яковлев. Ефимов испуганно остановился.

Яковлев. Ну, что ты?

Ефимов. Я? Ничего...

Яковлев. А — боишься.

Ефимов. Мне показалось, что вы сейчас прошли и вдруг опять вы!

Яковлев. Мимо тебя только один раз пройти можно?

Ефимов. Что вы, — сколько угодно!

Яковлев. Ну, иди, иди... Голова. (*Яковлев подошел к столу, налил стакан вина, жадно выпил, еще налил, выпил и сел, откручивая пуговицу пиджака.*)

Полина (*выбежала, берет бутылки, стаканы*). Что смотришь?

Яковлев. Не верю я тебе, не верю...

Полина. Я уж ведь не прошу тебя об этом. А лучше — поверь, спокойней тебе будет. Поверь, что я худа не желаю тебе и не сделаю...

Яковлев. Еще бы сделала! Не верю я тебе, баба.

Полина. Как хочешь. (*Тихо, обиженно.*) А когда я тебя обманывала? Никогда никого не обманула я, это меня обманули жестоко, что я — гадкая... Не разжигай себя, слушай!

Яковлев. Иди прочь. Дрянь распутная!

Полина (*остановилась, оборотясь к нему, спокойно*). Это ты врешь!

Яковлев (*не обращая внимания*). Идите прочь все... (*Полина ушла. Пьянея, он бормочет.*) Кто вы мне, все вы? Я — один сам свой... мне никого не надо... (*Морщится, снимает из глаз слезы пальцем, рассматривает, оттирает их о колено.*) Никого у меня нет... И не признает меня господь за своего человека... не признает...

В доме шумно, в окнах мелькают, кружатся люди, тренькают балалайки. Идет Полина, Наташа, обмахиваясь платком, Яковлев встал, спрятался за дерево.

Наташа (*усмехаясь*). Нет, не удаются именины мои, — все отсырели, обмякли... ах, как... ну, хорошо! А знаешь, нравится мне этот твой...

Полина. Не говори так — твой... Человек — ничей. Все люди должны быть ничьи, Наташа, право, тогда и хорошо будет...

Наташа. Ну, это от Кирика и философии! А ты лучше скажи — тебе нравится он? ^{133*} Сразу!

Полина. Разве этого не видно? Я не скрываю.

Наташа. Любишь?

Полина (*серьезно*). Этого — не знаю. Благодарна я ему, хороший он человек... а любить — это, Наташа, великое дело... это ведь уж — навсегда! ^{134*} (*Задумалась.*) Любовь — дело божие, божия служба миру...

Наташа (*вздыхая*). Не верю я тебе или верю?

Полина. ^{135*} Большое снова горе было бы у меня, если б он благодарности моей потребовал. Не мужчину надо мне ^{136*} человека хочется... по родной душе, всегда для тебя открытой, ^{137*} сердце тоскует...

Сожители (*быстро догнал их, говорит отрывисто, с усмешкой*). Жарко там. Сели играть в карты... ^{138*} (*Озирается.*)

Наташа (*просто*). Знаете что, Петр Васильевич.

Сожители. Ну-с?

^{133*} ну ^{131*} Как ^{135*} Великое ^{136*} милая моя ^{137*} душе ^{138*} Никого нет тут

Н а т а ш а. Нравитесь вы мне очень.

С о ж и т е л е в (*хмурится*). Спасибо...

Н а т а ш а. Вы не подумайте чего худого, — я говорю просто, так...

С о ж и т е л е в. О вас худое подумать трудно... (*Вдруг, быстро и твердо*.) Ну, вот что! Давайте сядем на крыльцо, — тут все видно, никто не помешает...

П о л и н а. Чему?

С о ж и т е л е в. А — мне. Мне! (*Взялся за голову руками, закрыл глаза, точно в воду прыгнуть хочет*.) Эх...

П о л и н а (*тревожно*). Что это вы?

Н а т а ш а. Вам нехорошо...

С о ж и т е л е в (*усмехаясь*). Нет, ничего. Даже и хорошо, пожалуй! Ну, не думал, что до такой полосы доживу...

П о л и н а. Слушайте, — что вы?

С о ж и т е л е в (*твердо*). А вот что, Полина Петровна. Виноват я пред вами... если только вы по моей вине взлетели над людьми... если вы меня за хорошего человека приняли, — виноват я в этом: тут — обман! Я ведь говорил вам: нехороший я человек и нечестный, я же говорил! (*С тоской, горячо*.) И я — боюсь: упадете вы, узнав правду, еще больней убьетесь, чем раньше...

Наташа удивлена, онемела, смотрит на обоих по очереди, напряженно.

П о л и н а (*тихо*). Ну... скорее!.. Не бойтесь...

С о ж и т е л е в. Знаете — кто я, чем занимаюсь?

П о л и н а (*слабо*). Ой... не надо бы...

Н а т а ш а (*шёпотом*). Чем?

С о ж и т е л е в. Фальшивую монету делаю, золотые... Это — я...

П о л и н а. Нет...

Н а т а ш а. Зачем?

С о ж и т е л е в. Вы думали — я какой-нибудь особенный человек? Нет. Из-за меня люди под суд попадали, в острогах сживали. Я сам сидел, но оправдан. Оправдан, а — виноват. Вот... Зачем я это делал? Не знаю, не думалось... Конечно — баловство сначала, жадность... да — не все ли равно? Разве кто думает, зачем он так живет, а не иначе? Да, вот — делал фальшивое золото, увидал — настоящее, это вы, Полина, да и вы, Наташа... обе вы-то самое настоящее, ради чего я, может быть, и фальшивил. Нет, вру, оправдываюсь...

Из дома осторожно вышли Дуня, Иванов, пробежали в сад.

Н а т а ш а (*со страхом*). Боже мой, боже... зачем все это — как это?

П о л и н а (*тихо*). А я думала...

С о ж и т е л е в. Подождите...

П о л и н а. Я думала, вы из других... из тех, которые тайно учат чему-нибудь... лицо у вас...

С о ж и т е л е в. Нет, я не из тех. Я ничего не знаю. Никто, я думаю, ничего верного не знает.. но вот некоторые что-то чувствуют крепко так... есть у них особенное сердце... Полина, смотрел я, как вы богу молились, — злился даже, эх, думаю, богатая женщина, как она богу, другу своему верит, как она любит его! Завидовал, злился и решил: ограблю ее, большую сделаю себе игру с ней, разверну ей душу... Ненавижу я счастливых, спокойных, которые все знают, все решили, всех осудили, — ненавижу!

Н а т а ш а (*всхлипывает*). Какая же это жизнь, господи... какая это жизнь?

С о ж и т е л е в. Вот. Ну, довольно. Вот как значит...

Из окна, далеко высунувшись, смотрит в сад Кирик.

Полина (*тихо, тепло*). ^{139*} Я думала, что вы крепкий, ^{140*} чистый и гордитесь этим... а вы такой же несчастный, как я была...

Сожителей (*угрюмо*). Завтра я уйду...

Полина (*задумчиво*). Нет, зачем? Теперь уж от меня не надо отходить... Кабы вы были такой, как я думала, ну тогда — на что я вам? А теперь я наверное очень пригожусь ^{141*}.

Сожителей. Вы — не смейтесь, чего же...

Полина. Все это надо бросить, золото это и все...

Наташа. Да, бросьте! Вовсе вы не для этого.

Клавдия, за нею Кирик идут тихонько в сад.

Полина. ^{142*} Вот — для Наташи — это подарком ей пойдет! — бросьте все эти дела для нее...

Сожителей. Если я опять один останусь — мне все равно что делать, как жить.

Наташа. Поля, ты не оставляй его! ^{143*}

Сожителей (*тихо*). Я бы тогда...

Полина. Господи, почему ты нас не видишь, за что не любишь нас, не хочешь помочь? Ах, научить бы нас помогать друг другу, показать бы каждому дорогу к сердцу другого, — к чистому и доброму в сердце, — ведь во всех есть доброе, есть... (*Молчание*.)

Наташа (*тихонько*). Точно сказка все это... Даже страшно...

Сожителей (*глухо*). Нет, не страшно... Страшно, когда некому понять тебя...

Клавдия, за нею Кирик.

Клавдия (*зло*). Зачем вы показали мне это, зачем?

Кирик (*усмехаясь*). Надо же правду знать!

Клавдия (*обернувшись к нему*). На что мне ваша правда, эх вы... Мне — любовь нужна, а не правда... (*Опустилась на стул, стонет*.) Ой, подлый, подлый...

Кирик. Ну, знаете ^{144*}...

Клавдия. Что — знаете? Ничего не хочу я знать! Я, может, сама о правде этой догадывалась, да сама же от себя скрывала ее, а вы... Нет, каков, ^{145*} а? Жену сделал любовницей, мужа сыщиком... ты, Миша, та-ак?

Кирик (*напряженно*). Как это — сыщиком, кого?

Клавдия. Рассудительного муженька моего — вы не знали? Вот знайте! От продажи швейных машин сыт не будешь, в карты не поиграешь... Так, во-от как?

Кирик (*оглянувшись, видит на крыльце людей*). Это — кто там?

Сожителей (*равнодушно*). Я. Я слышу...

Между деревьями к проулку крадется, шатаясь, Яковлев, Полина видит его, вскочила.

Полина. Шш! Смотрите, — это он в полицию идет! Поверьте, я его знаю... Кирик, — задержите тихо. Наташа, — уйди, уйди скорее! (*Сожителю*.) Вы что, — не понимаете? Идите, одевайтесь, бегите! Не хочу я, чтоб вас в тюрьму взяли, не хочу — слышишь? Ты — пропадешь там, слышишь? Если ты меня любишь, делай, как велю...

Кирик бросился за Яковлевым, Сожителей, не торопясь, идет во флигель.

Наташа, милая... эх, милая ты моя, отец у тебя... ты меня прости! Клава, ну что же делать? (*Обнимает их*.) Подружки мои, милые вы

^{139*} А ^{140*} чистый и тоже осудили всех ^{141*} поверьте, уж я знаю! ^{142*} Я условие не заключаю с вами, а ^{143*} Какой муж тебе отец мой? ^{144*} это уж... ^{145*} Мишенька

мои... Ну,—бог с ним, со своим горем! Идите в дом, займите там всех, не пускайте сюда...

Бежит во флигель, Клавдия и Наташа — в дом, навстречу им быстро идет Кемской, гневный, ведя за рукав Глинкина.

Кемской (*тихо, задыхаясь*). Это что же, а? Дай сюда монету! Глинкин (*смущен, сунул руку в карман жилета, вынул несколько медяков, смотрит*). Оказывается,—именно она! Ну, да, я ее разменял...

Кемской. Да ты понимаешь, что это — кража, уголовщина, а? Ведь этот золотой представлен при протоколе...

Глинкин. Ну, что ж? Я заменю настоящим, дайте мне настоящий. Кемской (*сел на стул*). Идиот!..

Глинкин (*пожимая плечами*). Почему же? Я не кассир банка, мне трудно различить фальшивое от настоящего... странно! Вы сами говорили, что она сделана хорошо... Ну, я ошибся...

Кемской (*хрипит*). Уйди...

Глинкин. Не понимаю, право... (*Уходит.*)

Кемской (*встал, идет в сад, к террасе, ворчит*). Нет, необходимо сказать... необходимо!

Из флигеля — Полина и Сожителев, одетый.

Полина. Иди, скорей! Садам, прямо на Крещенскую, а там вокзал близко,—успеешь! Иди скорей!

Сожителев. Не понимаю я тебя, господь с тобой! Ну, хоть поцелуй...

Полина (*супреком*). Эх ты, сестры тебе мало, матери, друга — мало! Ведь нацеловался ты с другими, не молоденький. Пойми,—трудно мне будет после поцелуя твоего. Иди же!

Сожителев (*грубо*). Ты — знай; не буду честно жить без тебя, не стану! Как хочешь! Не стращаю тебя, не разжалобить хочу — прямо говорю — не буду, со зла — не буду! Не видал ничего лучше тебя, не было ничего дороже... ты мне родная, огонь и свет душе... Меня тобою Судьба награждает... или уж издевается надо мной Судьба?

Полина. Милый,—иди! (*Перекрестила его поцелуем в лоб, губы, щеки, толкает.*) Успокой меня, беги!

Сожителев. Я скоро дам вести тебе... Скажи Наташе — руки ей целую... (*Ушел.*)

Полина, отрадно вздохнув, бежит в дом...

КАРТИНА 2-я

Через час. В доме — шумно, играют на балалайках, топают, слышен смех Наташи, очень возбужденный. Кемской сидит у стола, со стаканом вина, смотрит его на свет лампы, пред ним — Бобиха, немножко выпивши, тоже тоскливо возбуждена, растекается словами.

Кемской (*брезгливо*). Ну, довольно, не надо это...

Бобиха. Как не надо, милый? Надо! От кого, кроме меня, ^{146*} ласку увидишь ты? Ни от кого не увидишь. Я тебя знаю, я тебя помню, каков ты был сокол двадцать-то годов тому спустя. Ох, Василий Захарович...

Кемской. Ты, это... зельтерской воды выпей... Да...

Б о б и х а. Начто? Думаешь — пьяная? Я, милый, с того дня пьяная, как осталась на земле одна...

К е м с к о й. Фу... ах, какая...

Б о б и х а. Я от горя пьяна, а его никакой водой не смоешь, всей Волгой не сполоснешь.

К е м с к о й (*пьет*). Ну, вино пей... Но — молчи!

Б о б и х а. И вином его не залить. Ты послушай, — я ли не любила, я ли всем сердцем не жила, а вот и я, как ты...

К е м с к о й (*ударил по столу стаканом*). Будет! Что тебя, дура, наняли это... истязать меня? Дура!

Б о б и х а (*не испугалась, сожалея*). Ну, не буду, не буду... Ну, — молчу! Я — помолчу. А ведь сердечко-то твое, старенькое, последние дни-ночи доживая, оно ведь не умокнет, оно не онемееет...

К е м с к о й (*вскочил, уходит*). Нет, это... чёрт знает что! Это же необходимо кончить... необходимо!

Б о б и х а (*одна*). То-то, вот! Необходимо, брат, не обойдешь, нет! Бога — не обойдешь, правды — не обойдешь! Все, всех людей обойти можно, а правду — обойди-ка? Она — необходима, да, да, милый! Обойди ее, попробуй и заплутаешься... Она свой час найдет, она приспеет.

Е ф и м о в (*идет, нетрезв*). А где Иван Иванов?

Б о б и х а. Недавно, пьяненький, тут качался...

Е ф и м о в (*хвастливо*). Ты, плут-баба, а?

Б о б и х а. Да ведь тут всякой, поди, — плут?

Е ф и м о в. Ты все знаешь, а я — больше тебя! Я столько знаю, что ежели захочу — сейчас все это жилище — фюить! И со всеми жителями!

Б о б и х а (*насторожилась, ласково*). Ой? Что же это такое?

Е ф и м о в. Такое, что... не скажу!

Идет в ^{147*} сад. Бобиха задумалась, глядя в спину ему. Из дома выбежала Дуня смеясь, за нею Иванов. Бобиха деловито ушла во флигель, ее видно в двери.

И в а н о в (*тихо*). Слушай, у Глинкина тоже эти деньги! ^{148*}

Д у н я. От Кирика?

И в а н о в. Не знаю! Ты бы как-нибудь Кирика-то еще пощупала, а? Он кстати пьяный...

Д у н я. Пошли его сюда...

И в а н о в. Вот...

Быстро ушел в проулок. Дуня мечтательно встает к дереву. Идут Наташа, Кирик, он выпимши, но знает это, держится твердо, хотя возбужден.

Н а т а ш а (*глядя в небо*). Горят милые звездочки, и ничего им от меня не надо. Никому ничего не нужно от меня...

К и р и к. И не дай бог, чтоб понадобилось. Это, Наталья Ивановна, очень хорошо, когда мне ничего не нужно и от меня ничего никому.

Н а т а ш а. Нет, это нехорошо. Нет!

Д у н я. Какой теплый вечер!

К и р и к. А, что... вы? О чем мечтаете?

Д у н я (*кокетничает*). О том, что вы давеча сказали.

К и р и к. Как мне приятно!

Н а т а ш а. Что вы ей сказали?

К и р и к. Наследство получаю, сказал.

Н а т а ш а. Шутя?

К и р и к. Серьезно.

Н а т а ш а. Но ведь у вас родных никого нет?

Кирик. А — я?

Дуня (с досадой). Если вы шутили, то...

Кирик. Что?

Наташа. Странно вы говорите! А у меня... мне кажется, что мне ^{149*} подарили что-то неожиданное, а чего хотелось — забыли подарить.

Дуня. ^{150*} Тебе чего хотелось?

Наташа. Не знаю... Есть что-то нужное мне, а что, — и не знаю!

Кирик. А мне вот надо что-то сделать, а что — тоже не знаю!

Глинкин (пьяный — в окне дома). Послушайте, люди, — где же вы! Куда вы?

Наташа (вздвигнув). Пойдемте в сад, а? Ну, скорей!

Убежали. Кирик — за ними. Из двери флигеля высунулась Бобиха, хочет позвать его — спряталась снова: идут Иванов и Клавдия.

Иванов. Я тебя прошу — не делай скандала! Понимаешь, — она...

Клавдия. Шлюха, да?

Иванов. Ну... а ты думала — что?

Клавдия. Ври дальше! Эх ты!

Иванов. Да не вру я! Она кое в чем помогает мне, муж-то твой дурак ведь!

Клавдия. Вот что? Скажите-ка! Что ж ты меня в сыщицы не наймешь?

Иванов. А ты — не годишься...

Клавдия. За это — обижаться или благодарить? А может я тебе кое-что сказала бы?

Иванов. Погоди. Так вот, — она мне...

Клавдия. Помогает. А ты ее за это целуешь — верно?

Иванов. А, чёрт! Что же, — деньги ей платить? Она побогаче меня.

Клавдия. Михайло!

Иванов. Ну? Как мне тебя уверить?

Клавдия. Миша!

Иванов. Да, ну же! Что?

Клавдия. Побожись!

Иванов. Эх тебя, право! Как надо?

Клавдия. Скажи... (Со слезами.) Я не знаю, как...

Иванов. Э, дуручка из переулочка!

Ефимов (быстро идет). Михайло... (Жене.) Уйди...

Иванов. Что такое?

Ефимов. Уйди, говорю!

Клавдия. А, комар! Жужжит, жужжит... (Отошла.)

Ефимов (обиженно). Вот, Михаил Иванович, вы все с дамами, а я вот... ^{151*} (Хочет идти куда-то.)

Иванов (удерживая его). Тпру-у!

Ефимов. Пустите-ка...

Иванов. Ну, говори!

Ефимов. Какой вы товарищ?

Иванов. Отстань! В чем дело?

Ефимов. А в том, что Яковлев связан и в бане лежит...

Иванов (спокойно). Пьяный? ^{152*}

Ефимов. А связал — Кирик!

Иванов. Ах, чёрт! Что такое? ^{153*} Ты — иди, наблюдай.

^{149*} чего-то ^{150*} Вам ^{151*} До свидания! Я и сам могу... ^{152*} Ефимов. А постояльца — нет. Иванов (настораживаясь). Ну? ^{153*} Ефимов. И Яковлев говорит, что, дескать, это постоялец... Иванов. Иди, скажи приставу! Живо! Эх ты, как... Иди!

Ефимов. Я должен сказать...

Иванов. Ну, говорить тебе не о чем! И вообще, брат, ты — тихо! А — то я тебя живо в серый халат одену — понял? Ну, и — ступай!

Ефимов ушел. Иванов топчется на месте, не зная, что делать. ^{154*}

Глинкин (*выходит напевая*). ^{155*} Нелюдимо наше мо-о... А где люди?

Иванов. В саду...

Глинкин. Жена моя в саду — иду...

Кемской (*идет из сада, гневен*). Это безобразие! Всегда были люди, но никогда они не были так отвратительны...

Наташа (*смущенно*). Но он, должно быть, буянил, вот его и связали...

Кемской (*сел к столу, отдуваясь, смотрит на Иванова, тот смущенно исчезает за деревом*). Да. Ты — говоришь, извини, не то. Твой ^{156*} ... мой кум — почтенный человек, хороший... а тут...

Дуня (*подбегает к Иванову*). Ефимов ушел тихонько, через забор перелез, — он что-то против тебя затевает, — смотри!

Иванов. Ну, уж это — дудочки. (*Исчезает, Дуня — за ним.*)

Глинкин (*обнимая жену*). Наталия и так далее, — идем со мной!

Наташа. Оставь, пожалуйста.

Глинкин. Почему?

Наташа. Ах, оставь же!

Глинкин. Ты все капризничаешь, душа моя, что может надоесть...

Кемской (*гневно*). Пошел прочь... ^{157*}

ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА
ПЬЕСЫ «ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА»

Харьковский русский рабоче-крестьянский
театр им. Горького, 1937 г.

Иванов — О. Г. Баскаков

Фотография

Всероссийское театральное общество,
Москва

^{151*} в око(е) ^{155*} Жена моя в гробу, — рабу || Устрой господь твою — в рай ^{156*} отец...

^{157*} Да!

ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА
ПЬЕСЫ «ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА»

Харьковский русский рабоче-колхозный
театр им. Горького, 1937 г.

Клавдия — С. Г. Зубова

Фотография

Всероссийское театральное общество,
Москва

Н а т а ш а (*кричит в окно*). Поля!

Из сада идет Яковлев, растрепан^{158*}, таращит глаза. Кирик что-то говорит в ухо ему^{159*}

К е м с к о й. Вот, извольте! Ф-фа! Уйди, Наташа! (*Из дома*^{160*}
^{161*} *Полина*). Послушай, Палагея, что это такое? ^{162*} Старика запирать
в бане...

П о л и н а. Не беспокойтесь, я за это отвечу. ^{163*}

Г л и н к и н. Старец упился?.. ^{164*}

Кемской, отмахнувшись, идет прочь, Наташа, Клавдия за ним, Глинкин, посвистывая^{165*}, тоже уходит. Кирик — на ступенях крыльца.

П о л и н а. Иван Иванович, ты, может, пойдешь к себе...

Я к о в л е в (*почти спокойно*). Не хочу... душно там. Выпил я чего-то... горячего, до слез. Это хорошо, что в баню-то... отлежался... Я тут посижу, а то — голова ^{166*}... Вы, господа, не обращайтесь вашего внимания на меня... с кем промашек не бывает... (*Хочет подняться — не может.*) Вы, того... оставьте меня... отойдите, а то нехорошо... Полина, погоди... минуту... (*Задумался.*)

^{158*} дико ^{159*} И в а н о в (*бросается к ним*). Что такое, Иван Иванович? К и р и к. Не ваше дело. ^{160*} *Исправлено, было: идет в дом* ^{161*} встречу ему ^{162*} *Полина молча отстраняет его.* Кемской. ^{163*} Дуня появилась, делает Иванову знаки, — Кирик, Клавдия видят это. К л а в д и я (*тихо*). Ах, сыщица... погоди! ^{164*} И в а н о в. А где же г. Сожителей? Я к о в л е в (*глухо*). Не знаю... Полина — удивилась, подвинулась к нему. Б о б и х а (*с крыльца*). Он тут давно не виден. ^{165*} *хмуро ^{166*} у меня

Иванов, Дуня идет в проулок, Кирик — рука в кармане — за ними, Иванов смотрит на ^{167*} руку Кирика и вертит головой, точно желая спрятать ее. Все расходятся, позднее всех Наташа, испуганно поглядывая на отца и мачеху.

Полина (*кланяясь*). Спасибо, Иван Иванович, что не сказал про него, — хорошо ты сделал! Первый раз я тебя так благодарю...

Яковлев (*негромко, раздумчиво*). Ты — погоди еще... не торопись... Слушай... может, и впрямь я виноват пред тобой... ну, скажу по душе, просто: виноват! Не видал твоего ума, не заметил ловкости... Теперь — вижу, знаю. Ты — верно догадалась: я хотел идти в полицию, выдать его... а его выдать и себя погубить... Есть за мной давний грех, случайный... ну, он сам, поди, рассказал тебе? Говорил?

Полина. Нет...

Яковлев. Того лучше. Связал меня Кирик, лежал я и думал... — так страшно думал, что волосы шевелились. Что молчишь?

Полина (*тихо*). Я слушаю...

Яковлев. Да. Вот что, Палагея: все во тьме живут, дьяволом ослеплены, богу не видимы, все несказуемо несчастны... И я тоже. Все оттого, что, о своей душе заботясь, чужой души не чуял... А может — не от этого... Теперь вижу — есть, будто, другие люди, другое горе... будто — больше моего... А может и нет... ничего, кроме меня, негу... Это трудно понять...

Полина (*тихо*). Есть много, кроме тебя...

Яковлев. Чем я хуже других? Ну, скажи!

Полина. Многие говорят про тебя, что ты хороший, да не видать этого в тебе. Вот звезды — хороши, так их отовсюду видно, и солнышко тоже отовсюду видать... всякий огонь виден...

Яковлев. Погоди! Я говорю — виноват, прости, говорю. Можешь?

Полина. Как простишь, если забыть нельзя? Ты мне прости! Помог ты мне тяжесть мою с души снять? Что значит твое хорошее, если я его не видала, если ты не умел показать мне его, не мог дать? Что же это за хорошее, если оно другому не видно? (*Сильнее*). Помнишь, как я ночами, в страхе великом пред богом и людьми жалась к тебе, самому близкому человеку моему, а ты — как все — всегда одно говорил — грешная, подлая...

Яковлев. Я это помню. Когда один остаешься — все вспоминается. Все старые случаи, все ошибки черти зажигают, точно спички, шаркая ими по сердцу твоему... Это — страшно!

Полина. Мне ли не знать, как это страшно!

Яковлев. Так вот, — не мсти ^{168*} мне! Не уходи, не бросай... Пусть сам господь отомстит.

Полина (*твердо*). Нет, я уйду! Уйду я и к этому человеку...

Яковлев. Потому что он моложе меня?

^{169*} **Полина**. Нет, потому что он тебя лучше... может, еще несчастнее, а — лучше! ^{170*}

Из сада Кирик, идет и безмолвно смеется, сел на крыльцо флигеля.

Яковлев. ^{171*} Подумай, то ли говоришь!

Полина. Если б ты любил меня, ты бы почувствовал чистоту мою, да если б и не чиста была я, — любовь все прощает, любовь выше всех гре-

^{167*} эту ^{168*} ты ^{169*} **Полина**. Помнишь, говорила я тебе, что ни в чем не виновата, а ты что? Ты отвечал — людям лучше знать правду, люди знают, что я виновата. В худом — ты с людьми, а в добром — где? ^{170*} Кирик встал и медленно идет в сад, сунув руку в карман ^{171*} многозначительно

хов, ей ничего не нужно знать, она не в словах, а в сердце! Я это знаю, я эти мысли в церкви вымолила. И — вот, пришел человек... Что мне, что он нехороший, что он преступный для людского закона, — великий закон жалости и любви живет в нем! Пусть он — плох, а ты — хорош. Ведь ты на показ хорош, ^{172*} ты меня поднял не ради меня, а чтоб люди видели, какой ты добрый, какой хороший... И люди для тебя, — чтобы красоваться, пред ними! Люди! А что они? Им ли судить друг друга? Им ли мучить и наказывать? Мне теперь всех жалко... я не знаю до чего мне жалко всех!

Яковлев. А меня?

Полина. И тебя.

Яковлев (*наклонил голову, как под топор*). Ну, прости, коли жалко!

Полина (*тоскуя*). Да — господи! Не могу я солгать, не могу! Слово скажу, а забыть обиду твою... не могу! Жалко, а не...

Яковлев (*встал*). Ну — уйди! Иди скорей.

Полина. Что ты хочешь сделать?

Яковлев. Это я знаю. Я свою цену знаю себе! Так ты не приняла моего поклона — моего, — ты? Ну, хорошо! Теперь я перед богом оправдался, прощение принес, очистился — иди!

Полина. Смотри, ты мне худого ничего не можешь сделать!

Яковлев. Погоди.

Кирик ^{173*} (*встал, идет в сад, остановился и внятно* ^{174*}) Ничего у тебя не выйдет, хозяин, ничего, брат.

Яковлев. Молчи, ты, злыдень...

Кирик. Ничего не будет, ^{175*} хозяйка! Ну, я... пошел. Прощайте!

Полина. Мне теперь никто худа не сделает, моей души никому не задеть. Окрепла душа моя большой любовью и ничем ее не разобьешь...

Яковлев. Ладно! Богу я отдал сколько надо было... теперь с вами рассчитаюсь. Один, так один! Теперь... за все заплачу: за всю жизнь, за все обиды, за то, что один остался. Ты простишь, да не забудешь, а я и не прошу, а забуду...

Полина. Худо будет тебе...

Яковлев. Увидим, кому хуже. А особо не прошу того, что прощенья у тебя просил... это — особо! ^{176*}

^{172*} В ^{173*} Кирик вышел ^{174*} сказал. ^{175*} у нег(о) ^{176*} Далее зачеркнуто: Бобиха (*бежит*). Иван Иванович, батюшка, полиция! Яковлев (*усмехаясь*). И вовремя! Кто это вздогадался? Кемской (*в окне*). Это что такое? Зачем это? (*Идет полицейский чиновник, городовые, понятые, Ефимов.*) Полицейский (*в окно, Кемскому*). Очень извиняюсь, но должен произвести у вас обыск. Кто здесь Кирик Недосудов? Кирик (*выходит*). Вот Кирик Недосудов. Кемской. У меня? Я сам... (*Исчез.*) Полицейский. Где ваша комната? Кирик. В доме. Полицейский. А г. Сожителей? Яковлев (*спокойно*). Искать здесь нечего, фабрика не здесь. А главный сбытчик и делатель Сожителей этот убежал. Полицейский. Куда? Когда? Иванов... Яковлев. Так он и скажет куда! Убежал... часа полтора назад тому. (*Оборвался.*) Я, господин пристав, сам было... (*Оборвался голос.*) Полицейский тихо отдает приказания, городовые расходятся в дом, в сад; из дома вышли Кемской, Наташа и все остальные. Яковлев (*передохнув*). Я сам до вас шел, чтобы сказать вам... да вот... (*говорит, как сквозь сон*) жена моя — любовница его... Полина (*твердо*). Врешь! Наташа (*гневно*). Что вы? Это неправда — я же знаю! Что вы? Ой, какая гадость... Глинкин. (*строго*). Я прошу тебя молчать! Яковлев (*тупо глядя на дочь*). Жена, Кирик — связали меня, чтобы тот убежал, да... Гадость? Дочь моя тоже все знала... и дочь и жена... (*Схватилась за сердце, сел. Все поражены, никто не двигается с места.*) Кемской (*громко*). Ты с ума сошел... Ты пьян! (*Полицейскому*). Он пьян. И это... дочь, он врет... Наташа — моя дочь! Да! Я сегодня хотел это сказать... Вот тут — бумага, я ей дарю... Наташа — ты что? Да, это я, твой отец... Бобиха. Ой, господи...

Кемской (со стороны террасы с бумагой в руке). Где Наташа? (Яковлеву.) Дочь — где?

Яковлев (тупо глядя на него). Дорого ты мне стоишь, барин!

Кемской. Что такое? Ты, брат...

Полина (в окно). Наташа, ты где?

Наташа. Иду...

Кемской. Ты, брат, погоди, не уходи! Да! Довольно!

Яковлев. Это чего же — довольно?

Кемской. Всего! Ты, Палагея, погоди, тоже... Я тут сейчас...

Яковлев (что-то чувствуя, беспокоясь). Тогда — погоди и ты, Василий Захаров, — я тебе сейчас историю расскажу.

Кемской. Это... я — не хочу никаких историй! Достаточно.

Наташа выходит, Полина взволнованно бросается к ней.

Яковлев (быстро, задыхаясь). Нет, ты послушай, кум дорогой!.. Вот, был тут человек этот — бритый — не любил ты его ^{177*} — правильно не любил? Погоди, не мешай! Человек этот — жены моей любовник...

Кемской (строго). Ага? Видишь? Я говорил...

Полина (твердо). Это ложь! Это ты... ^{178*}

Наташа (испуганно, гневно). Отец, что вы? Это же неправда — ведь я знаю! Ой, какая гадость...

Кемской: без слов машет на нее бумагой.

Яковлев. Гадость? И вот, Василий Захаров, человек этот фальшивое золото сбывает, желтый глазок делает... да!

Кемской поражен, сел, Наташа подошла к нему, положила руку на плечо.

Наташа. Это — верно, только...

Яковлев (все более странным голосом, точно рассматривая свои слова в воздухе). Стой, Наталья, дайте договорить!.. Я хотел донести на него, на этого полиции, это — так, хотел! А вот они — жена и дочь, ^{179*} спрятали его, убежал он... Кирик меня связал, а они его, тем временем...

Кемской (страшно взволнован, задыхаясь). Ты — лжешь, болван! Моя дочь не могла с твоей женой...

Яковлев (тихо). Чья дочь?..

Полина (обняла Наташу). Послушайте, вы добрые люди...

Кемской. Ты — пьян! И Наташа — моя, моя дочь! Наташа, — вот бумага... это все — тебе, дом и все — вот! Ты — моя дочь!

Яковлев, Полина поражены.

Яковлев (усмехаясь, бормочет). Я об этом двадцать лет думал... Значит и первая жена... Вот как, брат... Ну... (Окаменел, задумался.)

Полина ^{180*} выпрямилась, напряглась.

Бобиха (в проулке). Ой, господи... (Подбежала к Полине, тихо.) Вы бы в дом! Не кричите здесь.. люди тут везде!

Полина молча отодвигает ее.

Наташа (изумленно смотрит на него, тихо гладит его по плечу, тихо говорит). Ах, ты бедный... так вот почему... вот что ты хотел сказать? Я так ждала, ждала... Но... зачем же ты сказал это... старичок мой одинокий — зачем? Ну, я не Ивановна, а Васильевна... и — только. Только-то? Полина (встала рядом с ней). Не верьте ему, Наташа ничего не знала... Кемской (грозя ей). Это — ты! Ты все... Полина (спокойно). Да, это моя вина. Это я... все сделала я. Человека этого я скрыла... Полицейский. Куда же? Скажите и всё... ^{177*} да? Не то, не в этом дело, — погоди! ^{178*} вр(ещь) ^{179*} меня ^{180*} вся

Н а т а ш а (*изумленно, тихо, глядя отца по плечу*). Ах ты... бедный мой! Так вот почему... Я так ждала, ждала — что ты скажешь...

К е м с к о й (*хрипло*). Да... ты — моя...

Я к о в л е в (*привстал, сел*). Н-ну... что же... как же теперь?

Н а т а ш а (*так же*). Но — зачем ты сказал это, старичок мой? Ведь я тебя и так люблю... Вот... странно! Ну — вот стала я — Наталья Васильевна... только? И — только?

К е м с к о й (*обнимая ее*). Ты пойми, как я страдал.

Н а т а ш а. Подожди... Господи помилуй, мне так грустно... ничего не страшно... но — так грустно!

К е м с к о й (*тихо*). Грустно? Почему же? Только — грустно? (*Опустил голову, согнулся*.)

Н а т а ш а. Я не знаю... Слушай, — это правда! Я ведь знала, что Петр Васильевич... что ему нужно бежать, я помогала...

П о л и н а. Неверно, что помогала!

К е м с к о й (*грозя ей, тихо*). Ты! Всё — ты!

Я к о в л е в (*убито смотрит на всех*). Послушайте-ко...

Н а т а ш а (*глядя голову Кемского*). Он плохо жил, да... Но ведь все вы... папа, ты прости! Ты тоже, как-то плохо жил... должно быть... Ах, старичок мой! Зачем ты сказал, зачем? Это так... не нужно, что ли... так грустно. (*Тоскуя*.) Боже мой, как жалко всех, как жалко!

На крыльце флигеля Бобиха плачет, бормочет: — «Робенок мой... деточки мои... ушедшие...» Яковлев мычит тихонько, всхлипнул.

П о л и н а (*тоже с тоской*). Не говори, не поймут они!.. Ах, с какой радостью уйду я от вас, хорошие люди! Как это славно, — уйти от хороших людей, которым никого не жалко, которые ненавистно мучают друг друга, не знают, как надо жить, не любят доброго, ясного... В острог, в лес, к зверям — от хороших людей ^{181*}.

Н а т а ш а. Не надо, не обижай никого!

П о л и н а. Простите, хорошие люди, — тяжело с вами! Простите, — но такая уж правда — тяжело!

Н а т а ш а. Не надо же, не надо обижать друг друга!

К е м с к о й (*берет руку ее, прижимает к лицу*). Ты — прости мне, а? Я ведь умру скоро, ты меня не бросай, а?

Н а т а ш а. Нет! О, нет! Ах, Поля... как все ^{182*} несчастны... почему? Почему, Поля...

П о л и н а. Я не знаю...

Я к о в л е в (*встал, глухо*). Вот что, — не хочу я зла, никому не хочу зла... Что, Василий Захаров, сладко ли? Ага-а... брат... Да... Полина — не держу я тебя. Я сам уйду... в монастырь мне, что ли, идти?

К е м с к о й. Наташа, он... я пред ним виноват, ты понимаешь?

Н а т а ш а. Мы все виноваты, кажется... Я вот должна что-то сказать, а — нет слова... не могу. И все качается... ^{183*}

Я к о в л е в. Сын у меня — где-то... ^{184*} Седьмой месяц не знаю — где он? Все ушло! Надо и мне уходить... я не хочу зла, никому... себе дорого... Видно правда, Полина, огня-то нет, и теряюсь я для всех без огня!

П о л и н а (*с радостью, тихо*). Теперь — видно будет... Теперь и тебя видно будет... Как я тебя благодарю... как я всех люблю! Господи, помоги мне душу мою отдать людям, — отдать им всю душу мою!

В саду что-то хлопнуло, никто не слышит, только Бобиха прислушалась, вскочила и бежит туда.

^{181*} Простите все ^{182*} эти ^{183*} П о л и н а (*тихо*). Василий Яков ^{184*} Второй

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ СПЕКТАКЛЬ

В доме был пожар; в двух комнатах сцены хаос, все вещи и мебель сдвинуты с мест, на полу какие-то узлы, на стене чей-то портрет вниз головою. Несколько секунд-минут сцена пуста, затем из-за книжного шкафа выходит обыкновенный Чёрт, прихрамывая идет к рампе, вежливо кланяется публике и говорит ^{1*} не очень громко ^{2*}, интимным тоном старого знакомого.

«Стремясь к оригинальности, автор решил начать эту пьесу паузой, а я, пользуясь ею, хочу сказать, вам, Мм. Гг. и Гг. <Милостивые государыни и милостивые государи. — *Ред.*>, несколько слов о нем и его действительных, но скрытых им намерениях. Он, так же как и вы, разумеется, не верит в существование чертей и ^{3*} включил меня ^{4*} в пьесу лишь для того, чтобы оправдать фактом моего ^{5*} участия полное отсутствие смысла и связи в ней. Человек гораздо более честолюбивый, чем талантливый, он, автор... (*Прислушиваясь к шуму за кулисами, беспокоится.*) Кажется, режиссер? Извините, я не могу при нем... (*Быстро идет ^{6*} к шкафу, запнулся за ковер, едва не упал.*)

Выбегает Режиссер, взволнован, заметил чёрта, не успевшего спрятаться, говорит быстро и громко:

— Тут сейчас ораторствовал некто, загримированный чёртом, я прошу вас ^{7*} понять это выступление как эпатаж и озорство, как неприличное отражение некоторых закулисных ^{8*} событий, оно не имеет никакой связи с пьесой. (*Чёрт, выглядывая из-за шкафа, отрицательно качает головою и делает лапами какие-то знаки, жесты.*) Чертей, как вам известно, нет в природе, с вами говорил ^{9*} частный поверенный Хрисанф Лузгин ^{10*}, комическое лицо пьесы, он, к сожалению, страдает известной русской болезнью и за ним не доглядели. (*Свисток.*) Господа! Вы свистите преждевременно.

Рабочий, высовываясь сбоку из-за занавеса.

— Это господин автор свистит.

Режиссер, несколько опалев, машет рукою на рабочего, еще свисток, режиссер бежит в кулисы.

— Я — сейчас...

Чёрт (*снова подходу к рампе*). Разрешите мне продолжить. Режиссер, конечно, искажает ^{11*} правду, как искажает ее всякий, пытаюсь истолковать чужие мысли и деяния, вот почему искусство — все искусство в целом — является более или менее ^{12*} искажением действительности, в сущности всегда разумной, как это доказано Гегелем. Всякий, кроме меня. Я, лично, совершенно объективен. Мотивом моего вы...

Голос из публики. К делу!

... моя ссора с автором, в сущности, это и не ссора, а разноречие: я, ^{13*} как вам известно, рационалист, а он стал обнаруживать ^{14*} склонность к мистике, и вот на этой почве...

Автор, в кулисе, гневно орет:

— Опустите занавес!

Занавес падает. Чёрт запутался в нем и остался пред публикой, жалуется иронически ^{15*}:

^{1*} оглядываясь на кулисы ^{2*} и в ^{3*} вывел ^{4*} исключительно ради того ^{5*} в ней ^{6*} за ^{7*} извиз(нить) ^{8*} трений ^{9*} актер ^{10*} артист, тол(ько) недавно принятый в нашу труппу и выступающий в этой пьесе у нас впервые. Он был репетитором в доме автора, и последний, очевидно, чтоб избавиться от него... ^{11*} Исправлено, было: искажил ^{12*} без ^{13*} всегда ^{14*} Исправлено, было: обнаруживает ^{15*} Видите, в какое неудобное положение поставили они меня

А. М. ГОРЬКИЙ

Рисунок Кукрыниксов (тушь, перо).

1930-е годы

Литературный музей, Москва

Как вам нравится неудачная попытка режиссера дискредитировать меня...

И з п у б л и к и. Почему неудачная?

Ч ё р т (обижен). Почему? Но ведь ясно: не могу же я выступать на сцене под своим настоящим именем. ^{16*} Я думаю, всем вам было бы неприятно, если б, в добавление ко всему, что творится в мире вашем, еще и черти явились ^{17*}.

И з п у б л и к и. Однако ^{18*} вы — явились... ^{19*}

Ч ё р т. Но — ведь не по своей воле! Я вызван автором.

И з п у б л и к и. К делу!

Ч ё р т. ^{20*} А — что вы считаете моим делом? (Сердится.) Роль приемника, роль мусорной ямы для всего, что неприятно и ненужно вам, — так что ли? ^{21*} (Он становится фамильярным.) К чёрту, к чёрту, говорите вы...

Открывается занавес; на сцене, среди узлов Наташа, ест варенье ^{22*}, черпая его прямо из банки бисквитами, в другой ее руке газета...

〈НАБРОСКИ〉

Лузгин.

По природе — чёрт, по профессии — сыщик уголовный, а для этих частный поверенный, разыскиваю несуществующего наследника к ^{23*} имуществу, которого тоже нет. Да-с, т. е. — един в трех лицах: дух, плоть и воображение.

— Вы бы, все-таки, не того — публика смотрит.

^{16*} И лишь поэтому я Хрисанф Лузгин. Вероятно ^{17*} на сцене ^{18*} вот ^{19*} же в ^{20*} Это не мое дело ^{21*} Исправлено, было: Вы смотрите на меня, как на мусорную яму, посылая ко мне и сваливая все неприятное вам к чёрту... ^{22*} пр〈ямо〉 ^{23*} вымор 〈очному〉

— Какая публика?

— Ну, знаете, в окошко могут заглянуть.

— А — не заглядывай в чужие окна.

— Автор, тоже. Всю жизнь подражал. Всем подражал. Шекспиру подражал, Боборыкину подражал...

— Восхищает меня, Наташечка, веселость ваша, ясность души, Тамара вы моя прекрасная.

— Почему Тамара? Она грузинка и, вероятно, брюнеткой была...

— Они думают, что их невидно, хе-хе!

— Стойте! Погодите! Ничего не понимаю. Заигрался! Кто я? Кто?^{24*}

— Оттого и хорошо поет, что слеп.

— Это, Наташа^{25*}, такая привычка у меня, это, друг, от моего одиночества. Жизнь прожил я, можно сказать, многовековую и люблю философствовать — занятие самое невинное в мои годы и в моем положении.

— Вы еще не очень стары.

— Не очень? Отрадно слышать, покорнейше благодарю.

— О чем же вы философствуете?

— Вообще. Я — пессимист, мизантроп, по пристрастию моему к критике. Р-рационалист я, исхожу от разума.

— Как же вы ф<илософствуете>?

— Очень просто: смотрю на великолепие ночных небес и соображаю: а м<ожет> б<ыть> это не великолепие, но просто глупость? Смотрю на людей и думаю:

〈На отдельном листке〉

Автор (*обижен, взволнован*). Господа, господа! Как вы играете, что вы играете?

^{24*} На полях написано: Роль забыл. ^{25*} Исправлено, было: Наташечка.